РЕСПУБЛИКА

ПРЕДЕЛЫ ПОРЯДКА

ПРАВО НА ПЕРЕМЕНЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

КОНСТАНТИН БЕРЕСТИН

18+

Константин Берестин
Право на перемены

https://litres.ru/74749172
SelfPub; 2026

Аннотация

Человечество научилось свергать правителей, строить государства и изменять мир в соответствии со своими представлениями о справедливости. Но оно так и не ответило на главный вопрос: кто вправе определять чужое будущее?

В Республике решения давно пережили своих создателей. Законы превращаются в обязательства, помощь – в зависимость, а власть, возникшая ради защиты людей, постепенно начинает требовать повиновения. Наследие Билгама Ферра продолжает влиять на политику, торговлю и судьбы целых поколений.

Тем временем борьба за влияние, экономические интересы и тайны прошлого постепенно обнаруживают противоречия, которые невозможно устранить одной лишь силой или разумным решением.

Здесь нет окончательных истин. Знание не гарантирует мудрости, сила не доказывает правоту, а благие намерения не освобождают от ответственности.

Можно ли изменить мир к лучшему, не отнимая у других права решать, каким должен быть этот мир?

Содержание

Глава 1. Нижняя кладка 4
Глава 2. Чужой след 80
Глава 3. Старая граница 117
Конец ознакомительного фрагмента. 127

Константин Берестин
Право на перемены

Глава 1. Нижняя кладка

Поезд прошёл над Энной Тар, когда она обнаружила, что камень, который никто не должен был трогать, недавно вынимали из стены.

Сначала послышался далёкий металлический стук. Потом дрогнула кладка, с потолка посыпалась известковая пыль, и глубоко под землёй заговорила вода. Звук приближался, разрастался, пока не заполнил собой всё пространство. Казалось, над низким сводом движется не состав, а целая гора, которую кто-то заставил ползти по железу.

Энна положила ладонь на стену. Камень был холодным. Под пальцами чувствовались мелкие выступы раствора, оставшиеся после последнего ремонта. Один выступ она отломила ногтем и растёрла. Смесь оказалась слишком светлой для старой кладки.

Поезд ещё не успел пройти, а она уже знала, что поручение выполнено не будет.

Впрочем, она никогда не любила слово «поручение». Оно делало слишком похожими вещи, между которыми не существовало ничего общего: приказ управляющего конторой,

распоряжение военного начальника, просьбу умирающего и обязательство, пережившее людей, давших его.

Ей велели проверить нижнюю кладку. Не объяснили, почему именно теперь. Не сказали, что делать, если найдётся нарушение. Только предупредили: место должно оставаться таким, каким его оставили.

Это было сказано спокойно, почти небрежно. Энна подозревала, что именно такие распоряжения и бывают самыми опасными. Особенно когда исходят от тех, кто привык считать время своим преимуществом.

Над головой прокатились последние колёса. Гул удалился к востоку, и снова стало слышно, как вода падает с одного уступа на другой.

Она подняла фонарь и осмотрела шов. Здесь ошибиться было трудно.

Старая кладка состояла из тёмного камня, подогнанного с той тщательностью, которую редко встретишь в современных казённых сооружениях. Новая железная дорога проходила значительно выше. При устройстве насыпи древнюю галерею не разрушили, а приспособили для водоотведения, укрепив её верхние участки и устроив несколько отстойных колодцев.

Строители сочли прежние стены достаточно прочными. Позднейшие инженеры доверились строителям. Очередные начальники доверились инженерам. Железнодорожное управление внесло сооружение в перечень исправных, и за

много лет никто, вероятно, уже не спрашивал, почему под действующей магистралью сохранился водосборник столь необычной формы.

Порядок возникал постепенно. Не потому, что кто-то однажды представил его целиком, а потому, что отдельные решения переживали своих авторов. Энна любила наблюдать подобные вещи.

В живой природе происходило нечто похожее. Небольшое преимущество закреплялось, передавалось дальше, изменяло окружающую среду, а следующему поколению приходилось приспосабливаться уже к последствиям прежнего приспособления. Ни одна птица не задумывала будущего леса, разнося семена. Ни один зверь не составлял плана местности, протаптывая тропу к воде. Но проходили годы, и от этих частных движений зависела жизнь существ, которые никогда не видели их начала.

Человеческие учреждения отличались тем, что их создатели умели писать объяснения. Разумеется, почти все объяснения появлялись после того, как решение уже было принято.

Она отступила на шаг и оглядела стену.

У самого пола находилась узкая вертикальная ниша, закрытая двумя плитами. Нижняя была неподвижной; верхнюю удерживал железный зажим, утопленный в раствор. В старом описании этого места упоминался незаполненный промежуток между плитами. Не тайник с драгоценностями,

не место хранения реликвии, не вход в забытый дворец. Всего лишь пустота шириной в несколько пальцев. Именно её Энне поручили проверить.

С первого взгляда всё выглядело нетронутым. Старинная поверхность камня сохранила потемнения от воды. На железе проступила ржавчина. В верхнем углу свода белели многолетние солевые отложения.

Но зажим лежал неправильно.

Энна присела и провела пальцем по его нижней кромке. Под старым железом обнаружилась чистая полоска камня. Сам зажим ещё недавно находился выше. Его сняли, а затем поставили обратно, не сумев точно совместить прежнее положение.

Тот, кто это делал, не был глуп. Он оставил ржавчину, не стал зачищать поверхность и подобрал раствор по цвету. Возможно, обычный путевой мастер ничего бы не заметил.

Но работавший здесь человек допустил ошибку, которую обычно допускают при подделке старых вещей: воспроизвёл их состояние, не воспроизведя историю этого состояния.

Энна опустила фонарь.

Вода текла по канаве слева, не доходя до ниши. Под правой стеной лежал тонкий слой песка. Она наклонилась и заметила несколько вдавленных следов, сохранившихся там, где из потолка почти не капало.

Кто-то недавно стоял перед стеной. Она медленно выпрямилась.

Следы ещё не доказывали нарушения древнего обязательства: камень могли снимать при ремонте, нишу – обнаружить случайно, зажим мог мешать работе. Не исключено, что ошибалась и сама старая запись.

Энну раздражало, что некоторые сёстры принимали древнее свидетельство за истину лишь потому, что оно древнее. Старый человек мог ошибаться; почему документ должен быть надёжнее?

Но существовало одно обстоятельство.

Запись, по которой её направили сюда, находилась среди материалов, связанных с Билгамом Ферром. Она не содержала объяснения сооружения. Не называла назначение ниши. И не утверждала, что Ферр когда-либо спускался под этот свод.

В ней присутствовали место, описание нижнего камня и ссылка на обязательство, возникшее в тридцать девятом году Республики.

Больше ничего.

Энна несколько раз читала эту короткую запись перед отъездом. Теперь её особенно занимало то, что в ней отсутствовало.

Не имя свидетеля. Не перечень сторон. Даже не предмет соглашения.

Там не было срока.

У обязательства, которое не имеет срока, рано или поздно появляется хозяин. Иногда это наследник. Иногда учрежде-

ние. Иногда тот, кто единственный помнит, что обязательство когда-то существовало.

Такое положение слишком удобно для хранителей памяти. Энна знала это, потому что сама принадлежала к их числу.

Утром она прибыла на маленькую железнодорожную станцию в неглубокой долине.

Насыпь пересекала старое русло, укреплённое каменными подпорными стенами. С одной стороны располагались мастерские и угольная площадка; с другой – несколько домов путевых рабочих, небольшой склад и мост, по которому проходила дорога к ближайшему селению.

Дождь шёл с вечера. Земля возле водосброса размокла, и между камнями скользили тонкие струйки. Вверху, за станционными огнями, чернели мокрые телеграфные столбы.

Никому из работавших здесь людей не было известно, что под сооружением сохранилась часть стены, однажды внесённая в перечень Ордена.

Они знали другое.

На участке не хватало ремонтных бригад, потому что несколько рабочих перевели к соседнему разъезду. Уголь подорожал. Один паровоз ожидал осмотра, другой опоздал на вечернюю подачу. Из столицы прислали распоряжение не допускать задержек особо важных грузов, но не объяснили, какие из обычных грузов теперь следует считать менее важными.

Энна услышала всё это от двоих мужчин у водомерного поста. Один был старым обходчиком с воспалёнными глазами. Другой, гораздо моложе, пытался починить дверную петлю в сторожке. Они спорили о новом графике.

– Если поставят ещё один состав, ночью не успеем проверить третий путь, – сказал молодой.

– Значит, проверишь утром.

– А если ночью что-нибудь случится?

– Тогда проверять будут уже другие.

Старик сказал это без раздражения. Он просто давно перестал находить в производственных распоряжениях признаки разумного замысла.

Около сторожки стояла женщина с девочкой лет семи. Девочка держала свёрток с хлебом, обёрнутый чистой тканью, и с заметным усилием пыталась не откусить край.

– Отнеси отцу, – сказала женщина. – И не урони.

– А если он уже ел?

– Тогда принесёшь обратно.

– А если не ел?

– Тогда перестанешь спрашивать и отнесёшь.

Девочка убежала к мастерским. Энна проводила её взглядом.

Многое в человеческом поведении было устроено удивительно просто. Родители берегли детей, дети учились беречь близких, привычка заботиться закреплялась в семьях, где без неё труднее было выжить. Но стоило попытаться описать

всё это как систему естественных выгод, и неизбежно обнаруживалось нечто неудобное.

Взрослая женщина могла голодать ради ребёнка, который никогда не продолжит её род. Чужой человек рисковал жизнью, вытаскивая из воды того, кого видел впервые. Старик отдавал последнее тому, кто уже ничем не мог отплатить.

Разумеется, для подобных поступков тоже находились объяснения. Общая привычка помогать, способность представлять чужую боль, воспитание, страх перед осуждением, удовольствие от собственной добродетели.

Энна умела находить такие объяснения быстрее большинства собеседников. Иногда ей казалось, что она занимается этим не ради истины. Возможно, ей просто хотелось доказать, что никто не бывает лучше неё.

Эта мысль рассердила её, и она отвернулась.

Вход в старую водосборную галерею находился ниже моста. Обычно его закрывали железной решёткой, однако нижний запор проржавел и давно перестал входить в гнездо. Железнодорожное управление считало проход недоступным для посторонних.

Для большинства людей так и было.

Энна отодвинула решётку, стараясь не задеть петли. Железо ответило коротким скрипом. Она остановилась, прислушалась к дороге и вошла.

Узкий коридор привёл её в старую часть сооружения. Здесь не было ничего торжественного. Никаких надписей,

посвящённых древним правителям. Никаких статуй, лиц или символов, способных придать месту особое значение. Камень, вода, ржавое железо и грязь.

И всё же она почти сразу почувствовала отличие.

Нынешняя галерея была приспособлена для отвода дождевой воды. Её уклон, отверстия для очистки и верхние водоприёмники имели понятное инженерное назначение. Нижняя кладка подчинялась иной геометрии. Некоторые стены здесь не продолжали оси поздних помещений, а уходили под них, словно новые строители накрыли старое сооружение другим, даже не пытаясь согласовать их устройство.

Энна не знала, для чего возвели первоначальную конструкцию. Она не любила этого незнания. Ещё больше ей не нравилось, что Орден, вероятно, знал нечто существенное и не счёл необходимым ей сообщить.

Сохранять тайну – полезный способ защиты. До определённого предела. После него тайна начинает защищать саму себя, и уже невозможно установить, существует ли за ней что-нибудь достойное защиты.

Энна поставила фонарь на сухой выступ и достала из сумки короткий металлический щуп.

Работала осторожно, не повреждая опорную кладку. Зажим удалось отвести в сторону после нескольких движений. Под ним обнаружился совсем свежий след инструмента. Она провела щупом вдоль верхней плиты.

Звук оказался глухим справа и заметно более звонким

слева. Значит, за плитой действительно сохранялась пустота. Но прежней она уже не была.

Энна вложила щуп глубже, повернула и почувствовала сопротивление. Что-то металлическое касалось внутренней поверхности камня. Предмет находился не в самой нише, а за её верхним краем, в узком пространстве между двумя рядами кладки.

Она остановилась.

В старом описании не упоминалось никаких металлических частей, кроме наружного зажима.

Можно было предположить, что составитель пропустил незначительную деталь. Но при такой точности описания самого шва это казалось странным.

Энна вынула щуп и некоторое время смотрела на отверстие.

Энна могла передвинуть тяжёлую плиту без помощи рабочих, пройти там, где другим требовались лестницы и верёвки, выдержать повреждения, от которых человек погиб бы, прежде чем понял, что произошло. Но кусок металла за древней стеной оставался загадкой. Превосходство не избавляло от необходимости узнавать – одно из немногих свойств мира, которые она считала справедливыми.

Она взялась за край плиты.

В этот момент в дальнем коридоре послышались шаги. Энна не сразу обернулась.

Человек двигался осторожно, но не потому, что пытался

подкрасться. Скорее он плохо знал проход. Дважды остановился, один раз задел камень и тихо выругался.

Затем щёлкнула заслонка фонаря. Свет скользнул по мокрой стене и остановился у входа в старую галерею. Энна оставила плиту.

В тёмном проходе появился мужчина лет сорока. На нём были серое дорожное пальто и высокие сапоги, испачканные известью. В одной руке он держал небольшой фонарь, в другой – кожаную сумку.

При виде женщины мужчина остановился. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– Проход закрыт, – сказал он наконец.

Его голос звучал уверенно, но Энна заметила, что фонарь он держит слишком высоко. Так человек старается одновременно осветить лицо собеседника и скрыть собственное.

– Для кого? – спросила она.

– Для посторонних.

– Вы здесь работаете?

Мужчина не ответил.

Энна рассмотрела его внимательнее. Сапоги были дорогими, но подбиты грубыми дорожными гвоздями. Рукава пальто недавно чистили от грязи. На правом манжете сохранилась узкая полоска чернил, словно человек нёс под мышкой только что исполненный чертёж.

– Вы из железнодорожного управления? – спросил он.

– Нет.

– Тогда вам лучше уйти.

– Почему?

– Здесь опасно.

Энна посмотрела на потолок.

– Свод исправен. Вода идёт по предусмотренному уклону. Если вы опасаетесь обрушения, вам следует сообщить обходчику о повреждении, которого я не вижу.

Мужчина нахмурился.

– Я сказал, вам лучше уйти.

В его произношении слышался чужой говор. Не настолько сильный, чтобы определить страну, но достаточный, чтобы предположить: родным языком мужчины был не язык Республики.

Энна знала несколько чужих языков. Большинство оказалось полезным только для того, чтобы убедиться, как одинаково люди умеют лгать на разных наречиях.

– Вы ищете кого-то? – спросила она.

– Нет.

Он ответил слишком быстро. Его взгляд переместился с её лица на фонарь, потом на сумку у стены. Энна поняла, что он пытается определить, сколько людей находится в галерее. Особенно его интересовал тёмный проход за её спиной.

– Здесь больше никого нет, – сказала она.

Мужчина медленно поставил сумку на камень.

– Тогда объясните, что вы делаете.

– Смотрю кладку.

– По чьему поручению?

Она могла назвать любое учреждение Республики. Список государственных управлений был достаточно длинным, чтобы случайно выбранное название с большой вероятностью соответствовало действительному ведомству, способному заинтересоваться старым сооружением.

Но Энна не назвала ничего.

– А вы?

Мужчина опустил фонарь. Его свободная рука приблизилась к пальто.

Энна заметила движение. Она ещё могла остановить его. Могла схватить запястье, прежде чем пальцы коснутся оружия. Могла шагнуть в сторону, погасить фонарь или просто уйти. Мужчина был напуган, но пока не решился нападать.

Она даже успела подумать, что страх делает людей удивительно предсказуемыми.

И ничего не сделала.

Ей хотелось узнать, что именно он предпримет.

Это любопытство впоследствии покажется ей самым постыдным обстоятельством встречи.

– Последний раз спрашиваю, – сказал мужчина. – Кто вас сюда направил?

– Никто из тех, кого вы знаете.

Он вытащил револьвер.

Энна посмотрела на оружие.

Мужчина неправильно понял её спокойствие.

– Руки вверх.

Она подняла левую руку, но правая осталась возле бедра.

– Вы не знаете, кто я, – сказала она.

– Зато вижу, что вы здесь делаете.

– Что же?

– Вы меня ждали.

Он говорил так, словно окончательно убедился в собственном выводе.

И это тоже было свойством человеческого разума, которое Энна находила почти трогательным: люди охотнее всего верили доказательствам, которые сами только что придумали.

– Нет, – ответила она. – Вы здесь случайно.

– Не двигайтесь!

– Вы ошиблись.

Мужчина выстрелил.

В замкнутой галерее звук получился оглушительным. Пламя осветило его лицо; за спиной взлетели мелкие брызги. Энна почувствовала резкий удар в левое плечо.

Боль была настоящей. Она отступила на полшага.

Мужчина увидел, что она осталась стоять, и выстрелил снова.

Вторая пуля ударила ниже ключицы. Энна слегка повернулась, почувствовав, как намокшая ткань прилипает к телу.

Его лицо изменилось. Не так, как меняются лица людей, обнаруживших необыкновенную силу противника. Он просто не понял увиденного.

Всё, чему его учили о действии огнестрельного оружия, внезапно перестало соответствовать действительности.

Мужчина попятился.

– Что…

Он не договорил.

Теперь Энна двигалась.

Клинок вышел из ножен почти беззвучно. Короткое широкое лезвие имело небольшой изгиб, непривычный для строевых армейских сабель. Энна носила его под одеждой так давно, что иногда забывала о весе оружия.

Мужчина успел поднять револьвер в третий раз.

Энна ударила.

Лезвие пересекло шею одним движением.

Тело ещё мгновение сохраняло прежнее положение, потом тяжело осело на камни. Револьвер ударился о выступ и соскользнул в воду. Голова упала рядом с фонарём. Тот опрокинулся, но не погас.

Энна отступила. Всё закончилось слишком быстро.

Она стояла посреди галереи, слушая, как вода уносит кровь вдоль узкой канавы. Фонарь лежал на боку, освещая сапог мёртвого человека и часть стены. За пределами светлого круга ничего не изменилось. Продолжали капать своды, гудело отдалённое железо, где-то наверху рабочий ударил молотком.

Мир не обнаружил, что в нём стало на одного человека меньше.

Энна посмотрела на клинок. Убийство не было для неё новым опытом. Она знала, как человеческое тело реагирует на повреждение, какие движения остаются возможными после тяжёлой раны и как быстро прекращается сопротивление. Сейчас её занимало другое.

Мужчина успел отступить. Он увидел, что два выстрела не остановили её, и начал пятиться. Возможно, собирался бежать. Возможно, всё-таки выстрелил бы в третий раз. Энна не знала. Она знала только, что не стала выяснять.

Её рука сделала то, чему была обучена. Из множества возможных действий выбрала самое короткое и надёжное. В этом не было ничего случайного. Движение закреплялось годами, повторялось сотни раз, пока не стало быстрее размышления.

Когда-то эта способность спасала ей жизнь.

Теперь она отняла чужую.

Энна могла назвать произошедшее боевым рефлексом. Это было бы правдой, но не всей. Она могла сказать, что мужчина сам открыл огонь. Это тоже было правдой.

Она ещё не была готова назвать то, что оставалось за пределами этих объяснений.

Энна вытерла клинок о собственную испачканную одежду и вложила его в ножны. Потом опустилась возле тела.

Правая рука погибшего лежала ладонью вверх. На указательном пальце темнело старое пятно чернил. Под ногтем среднего застряла известковая крошка.

Обычная человеческая рука.

Ещё несколько мгновений назад она держала оружие.

Энна повернула её и увидела узкий светлый след от недавно снятого кольца. На пальце сохранилась небольшая мозоль.

Она машинально отметила это обстоятельство, пытаясь определить, имело ли оно отношение к его занятию.

Потом остановилась.

Ей захотелось обнаружить на мёртвом человеке что-нибудь особенное. Знак опасной организации, необычное устройство оружия, свидетельство принадлежности к силе, с которой она прежде сталкивалась.

Если бы погибший оказался исключительно опасным противником, её решение выглядело бы иначе.

Если бы за его действиями стоял грандиозный замысел, смерть можно было бы включить в столь же грандиозное оправдание.

Но пока перед ней лежал человек, который испугался незнакомой женщины, выстрелил и был убит.

Он мог быть шпионом, убийцей или диверсантом. Мог лишь добывать чертежи. Энна этого не знала и уже не могла спросить.

В сумке погибшего находились свёрнутый план железнодорожного узла, небольшой складной циркуль, записная книжка и две тонкие папки, перевязанные шнуром.

Энна перенесла вещи к сухой стене.

Один из документов оказался копией служебной схемы станции. На ней обозначались стрелочные переводы, боковые пути, угольная площадка, сторожевые посты и несколько сооружений за пределами основного полотна. Нижняя водосборная галерея была обведена карандашом. Рядом стояло несколько коротких пометок.

«Доступ с западного склона. Дежурство нерегулярное. Верхний проход наблюдается с поста. Нижний – нет».

Никаких знаков Ордена. Никаких указаний на Билгама Ферра. Ничего, что позволяло бы предположить знание древнего обязательства.

Энна внимательно изучила чертёж. Человек интересовался возможностью проникновения на железнодорожный объект, местами наблюдения и перемещением служащих. В другой папке находились сведения о пропускной способности участка, порядке смены локомотивов и времени прохождения нескольких категорий грузовых составов.

Часть обозначений принадлежала железнодорожной администрации Республики. Другие были нанесены позднее. Встречались сокращения, которыми здесь не пользовались.

Погибший действительно занимался разведкой. Во всяком случае, это было наиболее вероятное объяснение.

Энна испытала почти физическое облегчение. Теперь можно было сказать: он проник на важный транспортный объект, собирал сведения, угрожал вооружённому свидетелю – точнее, безоружному, как он считал, – и открыл огонь

первым.

Всё верно. Ни одного ложного утверждения.

Она даже представила, как произносит эти слова перед старшими. Никто не сможет обвинить её в неправильном описании происшедшего. Разумеется, если не станет спрашивать, почему она сразу применила клинок.

Энна закрыла папку.

Её раздражало, что в оправдании требовалось так тщательно выбирать порядок обстоятельств. Сначала упомянуть разведку, потом оружие, затем выстрелы. Если начать с того, что она могла задержать человека живым, весь рассказ приобретал неприятный смысл.

Неужели правда настолько зависит от последовательности слов?

Она вспомнила, как однажды слушала показания человека, обвинённого в убийстве своего товарища. Тот без конца объяснял, что погибший был груб, вспыльчив, склонен к пьянству и не раз угрожал ему.

Все сведения подтвердились. Но ни одно не объясняло, почему обвиняемый продолжал бить уже обезоруженного противника.

Энна тогда сочла подобную защиту оскорблением разума. Теперь её собственные объяснения отличались только качеством изложения.

Она заставила себя вернуться к вещам погибшего.

В боковом кармане лежал небольшой кошелёк. В нём об-

наружились монеты двух стран, проездное свидетельство и несколько сложенных бумаг. На документе значилось имя, но Энна не была уверена, что оно принадлежало владельцу.

Подкладка кошелька оказалась аккуратно зашита. Стежки были мелкими и неровными, сделанными рукой человека, не привыкшего к такой работе. Почему-то эта подробность задержала её внимание. Вероятно, кошелёк чинил сам владелец. Или кто-то из близких.

Энна не стала придумывать ему жену, детей или старую мать.

У мёртвых не обязательно остаются хорошие воспоминания. Среди них бывают жестокие отцы, предатели, мошенники и люди, которых никто не хочет видеть вновь. Смерть не исправляет их прежней жизни.

Но она лишает возможности прожить другую.

В кошельке нашлась квитанция о переводе денег в один из западных городов. Сумма была небольшой. Получательницей значилась женщина.

Энна прочитала имя и вдруг поняла, что не хочет его запоминать.

Она положила квитанцию отдельно.

После этого подняла фонарь и вернулась к старой кладке.

За пределами круга света лежало гораздо больше истории, чем в папках разведчика, – по крайней мере, так утверждали древние записи.

Энна снова взялась за верхнюю плиту. Теперь она не стала

ограничиваться щупом. Осторожно сместила камень, стараясь не разрушить окружающий раствор, и поставила его на сухое основание.

За плитой открылось прямоугольное углубление. Оно оказалось глубже, чем следовало из описания.

Задняя стенка была сложена из более тёмного камня. На ней сохранились следы обработки, не совпадавшие с направлением позднейших ударов. В нижней части виднелись два небольших отверстия, расположенных одно над другим.

Рядом – третье.

Энна приблизила свет.

Третье отверстие отличалось от первых двух.

Его края не успели потемнеть. Внутри оставалась металлическая стружка, приставшая к влажному камню.

Энна провела пальцем по отверстию.

Недавняя работа.

В старой записи упоминались два отверстия. И между ними – незаполненный участок стены, который следовало оставлять нетронутым. Теперь здесь появилось третье.

Кто-то не просто открыл нишу. Он выполнил работу, требовавшую знания её устройства. Обычному ремонтнику не понадобилось бы столь тщательно подгонять закрывающую плиту и сохранять старый зажим. Тем более не было причины сверлить отверстие в скрытой части стены, не затрагивая наружной поверхности.

Если только он не собирался что-то здесь закрепить. Или

уже закрепил, а потом снял.

Энна проверила дно ниши. Там лежали мелкие частички металла, известковая пыль и несколько волокон тёмной ткани.

Она вынула одно волокно, поднесла к свету и растёрла между пальцами.

Ткань была современной.

Энна вспомнила последние слова старшей перед отъездом.

«Не ищи того, чего не оставляли».

Тогда ей показалось, что речь идёт о привычном предостережении против излишнего любопытства. Теперь она не была уверена.

Возможно, ей действительно поручили проверить, что пустота сохранилась. А возможно, проверить, что она уже перестала быть пустотой.

Подобные предположения позволяли превратить любое непонятное обстоятельство в доказательство чужого намерения. Достаточно было решить, что кто-то заранее всё предусмотрел, – и случайности исчезали. А там, где исчезают случайности, неизменно появляется могущественный враг.

Людям нравятся могущественные враги. Они избавляют от необходимости разбираться с менее впечатляющими причинами собственных бед.

Но и отказываться от очевидного было глупо. Здесь побывал человек, знавший о нише больше обычного железнодо-

рожного служащего. Он что-то изменил. И сделал это недавно.

Энна достала небольшой плотный лист и осторожно собрала на него несколько металлических частиц. Затем вернула плиту на место, но не стала восстанавливать видимость нетронутой кладки. Снаружи остался заметный сдвиг. Ей не хотелось ещё раз создавать ложное свидетельство о том, что здесь ничего не происходило.

Впрочем, это было удобное решение. Погибший мужчина лежал в нескольких шагах от неё. После того как тело обнаружат, в галерею придут люди. Они обследуют стены, найдут нарушенный зажим, заинтересуются нишей.

Невозможно было предсказать, что произойдёт дальше.

Энна подняла сумку разведчика.

Забирать все его бумаги значило лишить будущих следователей возможности понять, зачем он пришёл. Оставить бумаги означало дать им сведения, способные повредить неизвестным людям и заинтересовать государства, от которых он скрывался.

Она перебрала документы ещё раз. Взяла только собственные записи о состоянии кладки и собранные образцы. Чужие бумаги вернула в сумку, положила её выше воды, рядом с телом.

Револьвер пришлось достать из канавы. Она разрядила его, положила на камень и осмотрела пространство вокруг. Фонарь погибшего всё ещё горел. Энна направилась к выхо-

ду, но у самого поворота остановилась и вернулась.

На мокрых камнях возле тела растеклась кровь. Верхняя часть одежды мужчины пропиталась ею. Вода постепенно приближалась к сумке. Она сняла с выступа деревянную доску, оставленную путевыми рабочими, и подложила под бумаги. Потом осторожно передвинула фонарь.

Это были бесполезные действия с точки зрения её поручения.

Мёртвому человеку уже не требовалось удобное место. Сохранность его вещей не изменяла произошедшего.

И всё же она делала это с необычайной тщательностью.

Когда закончила, Энна несколько секунд стояла неподвижно.

Ей пришло в голову, что она заботится о вещах именно потому, что уже не может позаботиться об их владельце.

Мысль показалась ей сентиментальной. Она отвергла её. Но доску убирать не стала.

Когда Энна вышла из водосборной галереи, дождь почти прекратился.

В небе над восточной частью долины появились светлые разрывы. Железнодорожная станция работала, несмотря на поздний час. Составители передвигали вагоны, дежурный у стрелки махал фонарём, из открытой двери мастерской доносился чей-то громкий смех.

Никто не знал о том, что произошло под насыпью.

Пока.

Энна поправила воротник, скрывая повреждённую одежду. Плечо болело. Второе попадание оставило тупую тяжесть под ключицей. Оба ощущения мешали меньше, чем воспоминание о движении её собственной руки.

Она прошла по дороге к старому мосту. Возле сторожки та же девочка, которую она видела раньше, пыталась завязать верёвку на свёртке.

– Вам помочь? – спросила Энна.

Девочка подняла голову.

– Не надо. Мне самой велели.

– Не получается?

– Получится.

Энна остановилась. Девочка нахмурилась, сделала ещё одну попытку и наконец затянула узел. Верёвка легла криво, зато свёрток больше не раскрывался.

– Вот, – сказала она.

– Получилось.

– Я же говорила.

Энна не смогла сдержать улыбку. Девочка посмотрела на её плечо.

– Вы упали?

Энна проследила за взглядом. На тёмной ткани проступило небольшое пятно.

– Да, – ответила она после паузы.

– Больно?

– Немного.

– Надо маме показать. Она знает, что делать.

Девочка сказала это с абсолютной уверенностью.

Энна уже хотела уйти, но вдруг спросила:

– А если мама не знает?

Ребёнок задумался.

– Тогда она спросит у кого-нибудь.

Ответ оказался настолько простым, что Энна несколько секунд молчала. Девочка взяла свёрток и убежала к мастерским. Энна смотрела ей вслед.

Вот что отличало ребёнка от многих людей, называвших себя хранителями великих знаний. Он допускал, что самый близкий и надёжный человек может чего-то не знать. И не видел в этом причины перестать ему доверять.

Энна неожиданно вспомнила Найру.

Та наверняка нашла бы в детском ответе доказательство собственной философии. Сказала бы, что доверие предшествует знанию. Что человек живёт не только тем, что способен проверить. Что даже самый последовательный разум сначала должен кому-то поверить, иначе он не научится ни говорить, ни ходить.

Энна заранее знала эти доводы. И заранее готовила возражения. Но сейчас ей почему-то не хотелось спорить.

Она пошла дальше.

Найра ожидала её в комнате над старой конторой перевозчика.

Комнату снимали не для встречи. Найра прибыла раньше

и заплатила за ночь, потому что на следующий день собиралась закончить собственное дело.

Она разыскивала потомков нескольких семей, переселённых после изменения речного русла. Когда-то им обещали землю взамен утраченных участков. Часть обещаний исполнили, по другим сохранились только неполные записи. Теперь один из новых владельцев собирался продать спорный участок, и Найре требовалось найти последнее свидетельство прежде, чем сделка будет оформлена.

Энна находила это занятие странным. Найра считала странным, что Энна не понимает его значения.

– Мёртвые семьи не нуждаются в земле, – заметила Энна, когда впервые узнала о поисках.

– А живые потомки?

– Если они сохранились.

– Вот это я и выясняю.

Разговор закончился тем, что Найра велела ей не путать отсутствие человека в ведомости с отсутствием самого человека.

Теперь, войдя в комнату, Энна увидела на столе несколько старых списков, план речной долины и раскрытую тетрадь. Найра сидела у окна.

На ней было простое тёмное платье без украшений. Волосы она убрала назад, оставив открытым высокий лоб. При тусклом свете лампы её лицо казалось почти неподвижным, хотя Энна знала, сколько разнообразных чувств может скры-

ваться за этим спокойствием.

Рядом с тетрадью лежала небольшая книга в потёртом переплёте. Энна хорошо знала её.

Книга Свидетельств.

В стране Найры так называли древнее собрание преданий, законов, речений и рассказов о людях, которые пытались понять собственное место в мире. Одни общины считали его единым откровением. Другие утверждали, что составители лишь собрали воедино более старые свидетельства разных народов. Споры о происхождении книги продолжались столетиями, и ни одна сторона не могла убедительно объяснить, почему её собственное толкование столь часто совпадало с интересами правителей, которым она служила.

Энна не любила этого собрания. Не потому, что считала его бесполезным. Напротив, некоторые древние наблюдения казались ей поразительно точными. Её раздражало, что за такими наблюдениями следовали выводы, которых они вовсе не доказывали.

Найра, впрочем, тоже редко соглашалась с тем, как книгу толковали служители храмов. Особенно с теми, кто находился у власти.

Она не спросила, почему Энна задержалась. Сначала посмотрела на плечо. Потом на руку, которой та придерживала сумку.

– Сколько? – спросила Найра.

– Два.

– Попадания?

– Да.

Найра закрыла тетрадь.

– Кто стрелял?

– Человек под железной дорогой.

– Он жив?

Энна положила сумку на стол.

– Нет.

Найра несколько секунд смотрела на неё.

– Сядь.

– Я не нуждаюсь…

– Я не спрашивала, нуждаешься ли ты. Ты закрываешь плечом свет, а мне ещё работать.

Энна отодвинула стул. Она знала эту манеру. Найра могла произнести совершенно обыденную фразу в тот момент, когда другой человек ожидал от неё торжественного осуждения или хотя бы удивления. Особенно часто она делала это с Энной.

– Что случилось? – спросила Найра.

Энна рассказала. Начала с незнакомца, перешла к револьверу и закончила найденными бумагами. Упомянула повреждения, чужой говор, направление выстрелов. Затем сообщила о нише, третьем отверстии и новом металле.

Найра слушала внимательно. Иногда уточняла направление прохода или состояние наружной кладки.

Когда Энна закончила, Найра спросила:

– Ты уверена, что он пришёл туда не ради того же места?

– Его документы посвящены железной дороге.

– Это не ответ.

– На его схеме отмечены пути, посты, дежурства и водосброс. Никаких признаков знания старого обязательства.

– Значит, ты не нашла таких признаков.

Энна посмотрела на неё.

– Ты предлагаешь считать совпадением всё, что нам неудобно объяснить?

– Я предлагаю не считать объяснением то, что нам удобно.

Они помолчали. Найра встала, налила воды в небольшой таз и поставила его перед Энной.

– Покажи плечо.

Энна расстегнула воротник.

Найра осмотрела повреждение. Работала быстро, без лишних движений. Вопросов о боли не задавала.

– Второе? – спросила она.

– Ниже.

Найра кивнула и придвинула чистую ткань.

– Он стрелял в упор?

– Почти.

– А ты?

Энна не ответила сразу.

– Я подошла ближе.

Найра подняла глаза.

– Насколько?

– Достаточно.
– Чтобы ударить клинком?
– Да.
– А чтобы отнять оружие?
Вот теперь Энна почувствовала раздражение.
– Ты не была там.
– Конечно.
– Ты не видела, как он двигался.
– Нет.
– Не знаешь, сколько времени оставалось.
– Поэтому и спрашиваю.
Энна резко положила ладонь на стол.
– Он уже дважды выстрелил в меня.
– Я услышала.
– И собирался стрелять ещё.
– Это я тоже услышала.
– Тогда о чём разговор?
Найра некоторое время смотрела на её руку.
– Не знаю. Ты не даёшь мне его начать.
Энна отвела взгляд. Ей хотелось сказать, что Найра всегда поступает так: заставляет другого человека самому произнести обвинение, которого она не высказала. Удобная привычка. Почти жестокая.
Но именно поэтому ей было трудно лгать Найре.
Не потому, что та обладала особым даром распознавать ложь. Она просто не спешила помогать собеседнику обма-

нуть себя.

– Я могла его обезоружить, – сказала Энна.

Найра продолжила перевязку.

– Почему не обезоружила?

– Не знаю.

– Это лучше, чем придуманная причина.

– Я не прошу твоего одобрения.

– И правильно.

Энна посмотрела на неё.

– Ты когда-нибудь делала то же самое?

– Да.

– И что?

– Потом мне пришлось жить с тем, что я сделала.

– Это не ответ.

– Другого у меня нет.

Энна неожиданно рассмеялась. Смех получился неприятным.

– Прекрасно. Значит, вся твоя вера, вся память, все рассуждения о долге сводятся к тому, что нам приходится жить дальше.

Найра затянула повязку.

– А ты рассчитывала, что знание причин освободит тебя от последствий?

Энна замолчала.

За окном прошёл грузовой состав. Стекло тихо задребезжало.

Найра убрала испачканную ткань, вымыла руки и вернулась к столу.

– Я помню одно место из Книги, – сказала она. – Там говорится: «Не освящай руку за то, что она уцелела».

Энна поморщилась.

– Я ждала, когда ты начнёшь.

– Чего?

– Цитировать своих древних мудрецов.

– Ты сама спросила, что я думаю.

– А ты предлагаешь мне слова человека, который давно умер.

– Их возраст не делает их правильными. Но и неправильными тоже.

Энна хотела возразить, однако Найра продолжила:

– Знаешь, как эту строку объясняют в южных храмах? Если победитель остался жив, значит, высшая воля была на его стороне. Если погиб – его дело было неправым.

– Удобная вера.

– Очень. Особенно для тех, кто пережил всех своих противников.

– И ты в это веришь?

– Нет. Но я знаю людей, которые верят. И знаю, что они способны оправдать этим почти любую жестокость.

Найра взглянула на перевязку.

– Сегодня ты пережила человека, который стрелял в тебя. Это говорит о твоих возможностях. Больше ни о чём.

Энна медленно выпрямилась.

– Ты понимаешь, что отвергаешь собственную традицию?

– Я отвергаю одно из её толкований.

– Разница невелика.

– Для человека, которому собираются отрубить голову во имя этого толкования, она бывает существенной.

Энна посмотрела на неё. Найра сказала это спокойно, почти устало. И Энна вдруг подумала, что когда-нибудь ей следует спросить, почему та так хорошо знает подобные различия.

Но сейчас спрашивать не стала.

Найра снова взяла записи Энны.

– Расскажи о кладке ещё раз.

– Я уже рассказала.

– Ты рассказала, что нашла. Теперь расскажи, что собиралась найти.

Энна посмотрела на сумку.

– Пустое место.

– Почему?

– Так указано.

– Кем?

– В старой записи.

– А зачем оно должно оставаться пустым?

– Не знаю.

Найра кивнула, будто именно этого и ожидала.

– И тебя не смущало, что ты едешь проверять выполнение

обязательства, смысла которого не понимаешь?

– Меня смущало. Поэтому я и поехала.

– Тебе поручили проверить место.

– Я его проверила.

– Нет. Ты проверила состояние камня. А место теперь существует ещё и в чужих бумагах, которые ты оставила рядом с мёртвым человеком.

Энна нахмурилась.

– Он не знал о нише.

– Ты этого не знаешь.

– Я могу обосновать свой вывод.

– Вполне возможно. Только после твоего ухода никто уже не сможет спросить его, зачем он пришёл.

Энна резко поднялась.

– Ты начинаешь повторяться.

– Потому что ты продолжаешь обходить одно и то же место.

– Какое?

– То, где заканчивается твоё знание и начинается твоё право.

Энна отошла к окну. На площади перед конторой трое мужчин разгружали телегу. Один нёс мешок, второй придерживал колесо, третий спорил с возчиком о плате. Дождь снова усилился, но они продолжали работать. Она долго смотрела вниз.

– Ты ведь тоже считаешь, что мы имеем право вмешивать-

ся, – произнесла она.

– Иногда.

– На каком основании?

– Это зависит от того, во что именно мы вмешиваемся.

– Удобно.

– Не особенно.

Энна повернулась.

– Человек возник без всякого обещания. Никто не спрашивал его согласия, прежде чем он появился. Жизнь изменялась, пожирала сама себя, сохраняла удачные случайности и уничтожала неудачные. Из этого бесконечного процесса возникло существо, которое однажды объявило себя способным установить справедливый порядок.

Найра села.

Энна продолжила, уже не пытаясь скрыть раздражение:

– Ему недостаточно было построить дом, чтобы укрыться от дождя. Он захотел перестроить общество, чтобы никто не страдал. Недостаточно было защитить детей. Он захотел определить, какие дети будут жить лучше через сто лет. Недостаточно было научиться различать полезное и вредное. Он решил, что способен знать, что полезно для всех. И каждый раз называл своё намерение благом.

– Некоторые дома действительно защищают от дождя, – заметила Найра.

– Пока не обрушатся.

– Значит, их нужно строить лучше.

– Ты понимаешь, о чём я.

– Понимаю. Ты боишься ошибочного замысла и поэтому начинаешь подозревать всякий замысел.

– Я не боюсь. Я вижу.

– Сегодня ты тоже видела?

Энна замолчала. Найра не отвела глаз.

– Ты знала, что мужчина испуган. Знала, что он слабее тебя. Знала, что его выстрелы не убьют тебя. И всё же решила за него, сколько ему осталось жить.

– Он сам выбрал нападение.

– А ты выбрала ответ.

– Какой же ответ следовало выбрать?

– Вот об этом я и спрашиваю.

Энна почувствовала, что больше не хочет продолжать разговор. Ей хотелось уйти, снова спуститься в галерею и заниматься камнем, который хотя бы не спрашивал о её нравственных основаниях.

Однако она осталась.

– Ты постоянно говоришь о долге, – сказала она тише. – Словно он существует независимо от нас.

– Иногда существует.

– Где?

– Между людьми.

– Люди умирают.

– Обязательства не всегда умирают вместе с ними.

– Именно поэтому мёртвые продолжают управлять живы-

ми.

Найра посмотрела на старые списки перед собой.

– Иногда они продолжают защищать живых.

Энна усмехнулась.

– Или мешают им выбирать.

– И это бывает.

– Тогда как отличить одно от другого?

– Нельзя решить заранее за все времена.

– Прекрасный ответ для древнего Ордена.

– А твой лучше? – спросила Найра. – Ты ведь тоже готова предложить правило, по которому следует оценивать поступки всех остальных.

Энна хотела возразить. Не смогла.

В комнате стало тихо. Найра раскрыла тетрадь и подвинула к ней лист.

– Посмотри.

Это была старая ведомость переселения.

В первой графе перечислялись семьи. Во второй – прежние участки. В третьей стояли номера новых земельных наделов. Некоторые строки были перечёркнуты. Напротив нескольких имён значилось: «Получение не подтверждено».

– И что? – спросила Энна.

– Двадцать семь семей. Реку отвели, чтобы укрепить дорогу. Людей переселили. Земли обещали, часть обещаний исполнили. Остальных сначала внесли в отдельную ведомость, потом перенесли в другой архив. Через несколько лет ведо-

мость сочли утратившей значение.

– Когда это было?

Найра назвала год. Энна прикинула срок.

– Отсюда уже почти никто не жив.

– Некоторые потомки живут.

– И ты хочешь добиться для них земли?

– Не для всех. Один участок до сих пор остаётся спорным. По нему завтра должны оформить продажу. Если она состоится, семье придётся начинать тяжбу уже с новым владельцем.

– Ты можешь это остановить?

– Не знаю. Утром выясню, примут ли свидетельство.

– Тогда почему занимаешься остальными?

– Потому что без них невозможно подтвердить, кому первоначально обещали землю. Их имена стоят в одной ведомости.

Энна снова посмотрела на лист.

– Но ты ведь не можешь исправить все ошибки прошлого.

– Не могу.

– Почему тогда эту?

– Потому что о ней узнала.

Ответ разозлил Энну своей простотой.

– Значит, всё определяется случайностью?

– Отчасти.

– Сегодня ты нашла одну ведомость и решила восстановить справедливость. Завтра найдёшь другую. Послезавтра

не найдёшь ничего. Разве это разумный порядок?

– Нет.

– Тогда почему ты называешь это долгом?

Найра некоторое время молчала.

– Потому что, если я не способна сделать всё, это ещё не означает, что мне позволено не делать ничего.

Энна опустила взгляд.

На столе рядом с ведомостью лежала небольшая тряпица, которой Найра протирала перо. В ней не было ничего необычного. Но она вдруг вспомнила, как сама передвигала фонарь возле убитого человека, стараясь сохранить его бумаги сухими. Странная забота. Слишком поздняя, чтобы иметь значение для него. И всё же она сделала это.

Найра снова взяла записи Энны.

– Ты говоришь, третье отверстие сделано недавно?

– Да.

– Насколько недавно?

– Не могу установить точно. Но обработанная поверхность ещё не покрылась отложениями. Стружка не успела перемешаться со старой пылью.

– Значит, кто-то проник в нишу.

– Несомненно.

– И что-то оттуда извлёк?

– Возможно. Или собирался установить.

– Ты знаешь, что там находилось прежде?

– Согласно описанию, ничего.

Найра подняла голову.

– Согласно описанию.

– Да.

– А кто составлял описание?

Энна почувствовала неприятное напряжение.

– Оно находится среди материалов обязательства.

– Я спрашиваю, кто его составлял.

– Имя не указано.

– Тогда откуда ты знаешь, что пустота была первоначальным состоянием места?

Энна посмотрела на неё. Вопрос был очевидным. Настолько очевидным, что она не простила себе, что не задала его раньше.

Если нишу описали пустой в тридцать девятом году, это ещё не означало, что она была пустой до составления записи. Возможно, из неё уже что-то извлекли. Возможно, само требование сохранять её незаполненной возникло после этого действия. Возможно, задача заключалась не в сохранении места, а в сохранении отсутствия чего-то конкретного.

– Ты думаешь о Ферре? – спросила Найра.

– Да.

– Почему?

Энна ответила не сразу.

– Потому что его имя стоит рядом с этим обязательством. И потому, что с тех пор никто не объяснил, зачем оно было нужно.

Найра сложила лист.

– Не все обязательства Ферра были правильными.

– Не все были ошибочными.

– Разумеется.

– Тогда что ты о нём думаешь?

Найра посмотрела в окно.

– Меньше, чем хотела бы.

Энна усмехнулась.

– Ты умеешь превращать незнание в добродетель.

– А ты – в оскорбление.

Они некоторое время молчали.

– Ферр построил Республику, – сказала наконец Энна. – Во всяком случае, ту её часть, которая сумела пережить его. Учреждения, дороги, право, способ распределять власть. Он понимал, что отдельный человек не способен управлять всем. И всё-таки попытался создать порядок, который будет действовать после его смерти.

– У него многое получилось.

– Да. И это самое опасное.

– Почему?

– Потому что удача убеждает людей в правильности замысла сильнее любого доказательства. Если построенная тобой система пережила несколько кризисов, очень трудно признать, что однажды именно её сильные стороны станут причиной следующей катастрофы.

Найра задумалась.

– Это можно сказать и о нас.

– Я знаю.

– Тогда почему ты так легко исполняешь наши распоряжения?

Энна посмотрела на неё. Найра не улыбалась.

– Я не исполняю их легко.

– Ты пришла туда, куда тебе велели.

– Потому что там был след.

– И убила человека.

– Это не входило в поручение.

– Я понимаю.

– Тогда к чему ты ведёшь?

Найра медленно закрыла тетрадь.

– К тому, что наш собственный порядок тоже мог пережить своё назначение.

Энна ожидала от неё многого, но не этих слов.

– Осторожнее, – произнесла она.

– Ты ведь сама хотела говорить о пределах.

– Не здесь.

– Почему?

Энна оглядела комнату. Старые обои, стол, лампа, документы. Обычное жильё, где две женщины обсуждали события, начавшиеся задолго до рождения нынешних хозяев.

– Потому что мы не знаем, кто слушает, – ответила она.

Найра слегка наклонила голову.

– Вот видишь. Даже сомнение у нас имеет установленное

место и время.

Энна почувствовала, как по спине проходит холод.

И впервые за этот вечер испугалась не того, что Найра может оказаться права.

Она испугалась, что та уже давно думает об этом.

Внизу, во дворе, раздался резкий окрик. Потом другой. Энна подошла к окну.

Через площадь быстрым шагом шли двое железнодорожных служащих. Третий, с фонарём и длинной палкой, догонял их со стороны мастерских.

Они направлялись к старому мосту.

– Нашли? – спросила Найра.

– Возможно, услышали выстрелы.

– Ты оставила тело?

– Да.

– И бумаги?

– Да.

Найра подошла к окну.

– Ты понимаешь, что произойдёт?

– Начнётся расследование.

– Сначала найдут человека без головы. Потом обнаружат чужие железнодорожные документы. Затем станут искать тех, кто мог проникнуть в галерею.

– Всё верно.

– А дальше каждый начнёт объяснять случившееся тем, что ему выгоднее.

Энна отвернулась.

– Ты предлагаешь мне вернуться и спрятать тело?

– Нет.

– Забрать документы?

– Тоже нет.

– Тогда чего ты хочешь?

Найра посмотрела на неё.

– Чтобы ты поняла: это уже не только твоё дело.

На площади появился четвёртый человек. Он что-то кричал остальным, указывая в сторону насыпи. Энна представила предстоящие события.

Служебное донесение. Осмотр. Свидетельства. Сообщение в управление дороги. Письмо в столицу. Запрос иностранному представителю, если удастся установить личность погибшего. Возможно, обвинение в диверсии. Возможно, закрытие участка. Возможно, приказ об усилении охраны, задержка движения, новые расходы.

Каждый участник будет действовать в пределах собственных знаний и интересов. И никто из них не будет знать, зачем Энна спустилась под насыпь.

Она вдруг увидела случившееся так, как любила видеть развитие живой природы.

Один поступок изменял среду. Новые люди приспосабливались к изменению. Их решения создавали следующие изменения. Возникала цепь последствий, которой первоначальный участник уже не управлял.

Но здесь ей пришлось столкнуться с неприятной разницей.

Природный процесс никому ничего не обещал.

Она же могла обещать.

Могла выбирать.

Могла остановиться до удара.

Её поступок был не просто причиной.

Он был её поступком.

– Мне нужно вернуться, – сказала Энна.

Найра повернулась.

– Зачем?

– Ещё раз осмотреть нишу.

– Сейчас?

– Пока они не вошли.

– Ты хочешь опередить расследование?

– Хочу убедиться, что ничего не пропустила.

Найра некоторое время смотрела на неё.

– А если они уже там?

– Тогда не войду.

– Ты уверена?

Энна не ответила. Она и сама не знала, что сделает, если люди окажутся у входа. Раньше это незнание её бы не смутило. Теперь смущало.

Найра достала из кармана небольшой ключ и положила на стол.

– Если будешь уходить, оставь комнату открытой. Я вер-

нусь поздно.

– Куда ты собираешься?

– К женщине, которая сохранила старые земельные расписки. Утром её увозят к сыну. Потом, возможно, уже не найду.

Энна посмотрела на ключ.

– Сейчас ночь.

– Я заметила.

– Ты не можешь подождать до утра?

Найра слабо улыбнулась.

– Иногда стоит спросить человека, пока он ещё способен ответить.

Энна отвела глаза. Это не было упрёком. Именно поэтому прозвучало хуже упрёка.

До старого моста Энна дошла быстрее, чем рассчитывала. Дождь окончательно прекратился. Дорога блестела, в колеях стояла вода. Над станцией висел тяжёлый паровозный дым.

У спуска к водосбросу уже находились люди.

Трое рабочих и дежурный с фонарём. Один держал открытую решётку. Другой стоял чуть в стороне и выглядел так, словно только что увидел нечто, о чём не собирался рассказывать жене.

Энна остановилась за каменной опорой моста. Она могла пройти незамеченной. Для этого достаточно было обойти насыпь, спуститься с противоположного склона и воспользоваться старым боковым лазом. Тот был узким, но для неё

вполне доступным.

Она знала это. И всё же не двинулась.

Из галереи вышел один из рабочих.

– Там человек, – сказал он дежурному.

– Живой?

Рабочий покачал головой.

– Лучше сами посмотрите.

Дежурный выругался и приказал никого не пускать внутрь. Затем отправил молодого обходчика за представителем станционного начальства. Энна наблюдала за ним.

Человек отдал распоряжение, не зная почти ничего. Другой подчинился, потому что распоряжение было разумным. Через некоторое время появятся новые люди, которые станут исполнять следующие распоряжения. В конце концов возникнет официальный рассказ о происшествии. Вероятно, очень подробный. И почти наверняка неполный.

За её спиной послышались шаги. Энна обернулась.

По дороге шла женщина со свёртком. В одной руке она держала фонарь, другой придерживала полы пальто. Это была мать девочки, которую Энна видела у сторожки.

– Что случилось? – спросила женщина, заметив людей у спуска.

– Пока не знаю, – ответила Энна.

Женщина остановилась.

– Опять вода?

– Нет.

– Тогда почему столько народу?

Энна посмотрела в сторону решётки.

– Там нашли мёртвого человека.

Женщина побледнела.

– Кого?

– Ещё не установили.

Она произнесла это спокойно, но женщина уже почти не слушала.

– Мой муж сегодня внизу работал. Проверял водоотвод. Его сменщик должен был прийти к вечеру…

Она пошла быстрее. Энна несколько мгновений смотрела ей вслед.

Женщина ещё не знала, кто погиб. Но страх уже изменил её движения, голос, дыхание. Возможно, через несколько минут выяснится, что муж жив, и всё закончится облегчением. А возможно, начнутся новые тревоги.

Чужая смерть уже стала частью её жизни.

Энна вдруг с необычайной ясностью почувствовала, что не сможет вернуть совершённое даже в том случае, если люди никогда не узнают её имени.

За мостом прозвучал свисток.

Дежурный железнодорожного узла поднял руку. По соседнему пути медленно приближался состав. Энна отошла к обочине.

Паровоз прошёл почти рядом. За ним тянулись грузовые вагоны, гружённые углём, лесом и металлическими издели-

ями. На боковых стенках виднелись номера, отметки приёмки и названия отправителей.

Всё это имущество имело стоимость. Государственные учреждения умели её определять, записывать, проверять и оспаривать. Они составляли инструкции, чтобы не потерять ни одной единицы груза.

Энна вспомнила мёртвого человека в галерее. Его стоимость не могла быть занесена ни в одну ведомость. Можно было подсчитать жалованье, затраты на обучение, расходы на похороны, выплаты семье, убытки от невыполненного задания. Возможно, даже будущие последствия его гибели.

Но ни один расчёт не отвечал на вопрос, почему именно он не должен был умереть.

Она знала несколько способов объяснить ценность отдельной жизни.

Ни один не казался ей окончательным.

И всё же сейчас она была уверена, что эта жизнь имела значение.

Даже если природа не предназначала её ни для какой великой цели. Даже если мужчина был виновен. Даже если он сам собирался убивать.

Энна посмотрела на собственную руку.

Ей вспомнилось, с какой лёгкостью клинок пересёк шею.

Не сила испугала её.

Испугало, как быстро она нашла для этой силы применение.

Вернувшись в комнату, она обнаружила, что Найра уже ушла.

На столе лежала короткая записка.

«Не стала ждать. Вернусь после разговора. Не принимай решений, пока не узнаешь, с кем имеешь дело».

Энна прочитала её дважды. Потом перевернула лист.

Ничего больше.

Она села и раскрыла собственную тетрадь.

Сначала записала размеры ниши, положение зажима, состояние раствора и характер металлических следов. Затем отдельно отметила расположение третьего отверстия. Не стала писать, что оно предназначалось для закрепления неизвестного предмета. У неё пока не было достаточных оснований.

Следующей строкой указала, что посторонний человек вошёл в галерею во время обследования.

Она остановилась. Взглянула на перо. И начала описывать столкновение. Не так, как прежде рассказала Найре. И не так, как собиралась сообщить старшим.

Она записала расстояние между собой и мужчиной. Количество выстрелов. Состояние его оружия. Возможность отступления. Расстояние, которое преодолела до удара. Затем дошла до собственного решения. Энна долго смотрела на пустое место в строке.

Ей было проще описать движение клинка, чем объяснить, почему она его совершила. Рука поднялась прежде,

чем окончательно сформировалась мысль. Это было правдой.

Но правдой было и то, что её тело двигалось так благодаря многолетней привычке. Она сама сохраняла эту привычку. Сама совершенствовала. Сама гордилась её надёжностью.

Нельзя было назвать причиной только мгновение, если к этому мгновению готовилась значительная часть жизни.

Энна осторожно записала:

«Смертельное применение силы не являлось единственным доступным способом прекращения угрозы».

Перечитала.

Не зачеркнула.

Потом добавила:

«Причина выбора данного способа требует отдельного объяснения».

Она отложила перо. Слова получились сухими, почти канцелярскими.

Энна неожиданно подумала, что чиновники Республики, мучительно пытающиеся установить действительное состояние государственного имущества, вероятно, одобрили бы подобную точность.

Они хотя бы умели отличать подтверждённое от предполагаемого. Впрочем, не всегда.

Она усмехнулась. Чиновники пытались выяснить, что произошло с их имуществом. Она пыталась сделать то же самое со своим поступком.

Разница заключалась в том, что имущество иногда можно было вернуть.

Человека – нет.

Энна закрыла тетрадь.

После этого развернула плотный лист с образцами, вынутыми из старой кладки. Частицы металла лежали там, где она их оставила. Одна оказалась совсем небольшой, почти невидимой. Она взяла её кончиком щупа и поднесла к лампе.

На поверхности сохранилась тонкая борозда. Энна нахмурилась. В галерее она решила, что все частицы образовались при сверлении третьего отверстия.

Теперь, при более ровном освещении, стало заметно отличие. Одна из них имела ровную плоскую сторону и закруглённый край.

Это была не стружка от сверления камня и не случайная металлическая крошка. Скорее небольшой обломок тонкой пластины.

Она достала увеличительное стекло. Приблизила металл к лампе.

На плоской стороне виднелись следы двух параллельных линий, нанесённых до повреждения.

Энна положила обломок на чистый лист.

Её сердце билось ровно. Но она почувствовала то особое напряжение, которое возникало всякий раз, когда привычное объяснение начинало уступать место новому.

Кто-то не только проделал отверстие. Он повредил или

разобрал металлический предмет, находившийся внутри кладки. Причём предмет, по-видимому, изготовили не из того металла, который использовали при позднейших железнодорожных ремонтах.

Энна не могла определить ни возраст обломка, ни назначение предмета, ни то, существовал ли он при Ферре.

И всё-таки прежняя версия о простом осмотре старой ниши становилась менее убедительной. Она снова раскрыла описание тридцать девятого года. Перечитала несколько строк.

Особенно внимательно – последнее предложение. Раньше оно представлялось ей обыкновенным техническим указанием о сохранении незаполненного промежутка.

Теперь возник другой вопрос. Что именно составитель документа счёл нужным оставить незаполненным?

Пространство между камнями? Или место, предназначенное для предмета, который по какой-то причине не должен был там находиться?

Энна потянулась к перу.

Не успела.

В коридоре послышались шаги.

Она быстро прикрыла образцы.

Дверь открылась.

На пороге стояла Найра.

Лицо её оставалось спокойным, но Энна сразу заметила, что что-то произошло.

– Ты нашла женщину? – спросила она.

– Да.

– Она рассказала о переселении?

– Рассказала.

Найра закрыла дверь.

– И сохранила расписки.

Энна отложила перо.

– Этого достаточно?

– Для приостановки продажи – возможно. Но мне придётся утром идти вместе с ней в земельную контору. Если свидетельство не примут, останется только суд.

Она достала из сумки несколько сложенных листов.

Один был настолько ветхим, что сгибы пришлось осторожно расправлять двумя руками. На другом сохранились остатки печати и несколько подписей. Третий представлял собой позднюю копию, составленную уже после смерти первоначального получателя.

Энна просмотрела бумаги.

– Ты уверена, что это тот участок?

– Нет. В старой ведомости есть расхождение в границах. Нужно сопоставить два плана.

– Значит, всё ещё ничего не доказано.

– Не всё.

Найра села и указала на одну из строк.

– Вот здесь подтверждено, что семья получила право на переселение. Здесь – что новый участок был ей выделен. А

здесь, спустя несколько лет, появилось утверждение, будто право утрачено из-за отсутствия владельца.

– Он умер?

– Раньше, чем составили последнюю запись.

– Значит, право должно было перейти наследникам.

– Именно. Но наследников в новом списке нет.

Энна внимательно посмотрела на подпись.

– Составитель мог не знать о них.

– Мог. А мог знать и не захотеть искать. Завтра узнаем, какие ещё бумаги сохранились.

Найра собрала документы.

– Женщина спросила, почему я занимаюсь этим делом. Я сказала, что однажды обещала помочь её семье.

Энна подняла глаза.

– Когда?

– Давно.

– Насколько давно?

Найра не ответила. Энна знала, что продолжать расспросы бессмысленно. Некоторые вопросы между ними существовали годами. Ни близость, ни споры, ни общее дело не делали ответы обязательными.

– Ты думаешь, суд примет эти бумаги? – спросила она вместо этого.

– Не знаю.

– Тогда зачем обещала?

– Потому что могу попытаться.

Энна хотела сказать, что это слабое основание для обещания.

Но посмотрела на собственную тетрадь и промолчала.

Найра проследила за её взглядом.

– Ты уже составила запись?

– Да.

– И что написала?

– То, что произошло.

– Всё?

Энна немного помедлила.

– Достаточно, чтобы меня могли спросить о том, чего я не объяснила.

Найра кивнула. В этот раз она не стала возражать. Энна неожиданно почувствовала благодарность.

И тут же рассердилась на себя за неё.

Найра заметила разложенные образцы.

– Что это?

Энна показала металлический обломок.

– Из нижней кладки.

Найра взяла увеличительное стекло.

– Не похоже на крепёж.

– Я тоже так думаю.

– Откуда он?

– Из углубления возле третьего отверстия. Точнее определить не могу.

Найра внимательно рассмотрела металл.

– Ты уверена, что его оставили там недавно?

– Нет.

– Но отверстие новое?

– По состоянию поверхности – да.

Найра положила обломок на лист.

– Тогда возможны два разных события. Кто-то мог недавно открыть старое место и повредить то, что находилось внутри. А мог принести туда новый предмет.

– Я знаю.

– Ты склоняешься к первому?

– Пока да.

Найра посмотрела на неё.

– Почему?

Энна раздражённо улыбнулась.

– Потому что мне хочется, чтобы там оказалось что-нибудь древнее.

– Вот теперь похоже на правду.

Они некоторое время молчали. Потом Энна снова развернула описание ниши.

– Смотри. Здесь нет указания, что предмет когда-либо находился внутри. Но и утверждения, что ниша всегда была пустой, тоже нет.

Найра наклонилась над листом.

– «Сохранить незаполненным».

– Да.

– Кто составил запись?

– Неизвестно.

– А кто распорядился?

– Ссылка ведёт к обязательству тридцать девятого года. В перечне материалов упоминается Ферр.

Найра долго смотрела на текст.

– Ты уверена, что упоминание Ферра относится именно к этому распоряжению?

Энна нахмурилась.

– Оно относится к материалам обязательства.

– Но не обязательно к каждому приложенному документу.

– Верно.

Она откинулась на спинку стула. Вот что её раздражало.

Найра могла не знать ничего о технической стороне дела и всё же обнаруживать пробелы, которые Энна пропускала, потому что слишком хорошо понимала ожидаемую картину.

– Ферр построил Республику, – сказала Энна. – Но он не мог построить всё, что существовало до него.

– Разумеется.

– Тогда почему его имя оказалось рядом с этой кладкой?

– Возможно, потому что в его время она приобрела новое значение.

– Или он обнаружил прежнее.

– Или кто-то воспользовался его именем позднее.

Энна провела пальцем по бумаге. Каждая версия имела право на существование. Ни одна не объясняла, почему старшие Ордена направили её сюда именно теперь.

– Иногда мне кажется, – сказала она, – что Ферр был первым человеком, который попытался обращаться с государством как с живым существом.

– Ты снова сравниваешь людей с животными?

– Нет. Сравниваю порядки, которые люди создают. Ферр понимал, что закон изменяет поведение. А изменившееся поведение создаёт обстоятельства, которых не существовало, когда закон принимали. Затем приходится принимать следующий закон.

– В этом нет ничего необыкновенного.

– В одном законе – нет. Но представь сотни лет. Постановление порождает должности. Должности – правила. Правила – интересы людей, которых прежде не существовало. Через несколько поколений никто уже не помнит первоначальную задачу, зато целые учреждения считают своё существование необходимым.

Найра посмотрела на неё внимательнее.

– И ты думаешь, Ферр хотел остановить этот процесс?

– Не знаю. Возможно, хотел управлять им.

– А возможно, понял, что не может.

Энна замолчала. Эта мысль показалась ей неожиданно убедительной.

Она привыкла считать Билгама Ферра человеком, который пытался придать истории направление. Но если он действительно столкнулся с пределом собственного замысла, его соглашение с Орденом приобретало совсем иной смысл.

Что мог попросить у древней организации человек, обнаруживший, что даже самая совершенная государственная машина однажды начинает действовать против целей своего создателя?

Помощи? Надзора? Или невмешательства?

– Ты думаешь, он мог пытаться ограничить нас? – спросила Энна.

Найра посмотрела на неё.

– Не знаю.

– Но допускаешь?

– Допускаю.

– Зачем ему это?

– Возможно, он знал о нас больше, чем нам приятно предполагать.

Энна почувствовала, что разговор приближается к опасной границе.

– И откуда у тебя такие мысли?

Найра не ответила сразу.

Затем сказала:

– В Книге Свидетельств есть старый рассказ о человеке, который построил стену вокруг города, чтобы защитить жителей от врагов.

Энна закрыла глаза.

– Найра…

– Потерпи. Он приказал закрыть ворота и оставил стражей, которые должны были исполнять его волю. Стена дей-

ствительно спасла город. Потом правитель умер. Прошли годы. Врагов уже не было, но стражи продолжали охранять ворота. Когда люди захотели выйти, им отказали. Никто не мог показать приказ, разрешающий открыть проход.

– И кто освободил город?

– В одном толковании – сын строителя. В другом жители сами разобрали часть стены. В третьем город погиб, потому что люди слишком долго ждали разрешения.

Энна открыла глаза.

– Превосходное доказательство. Три разных окончания.

– Я не предлагала доказательства.

– Тогда зачем рассказ?

– Потому что во всех трёх вариантах стена сначала действительно спасла людей.

Энна посмотрела на неё.

Найра продолжила:

– Мне не нравится, когда наши споры превращаются в выбор между мудрым строителем и глупыми потомками. Иногда строители бывают мудрыми. Иногда их решения необходимы. Но потом наступает день, когда нужно решить, сохранять ли прежний порядок. И это уже обязанность живых.

Энна долго молчала.

– В твоей Книге есть ответ, когда именно наступает такой день?

– Нет.

– Тогда она мало помогает.

– Она не обещала избавить нас от необходимости думать.

Энна усмехнулась.

– Странная священная книга.

– Не страннее государства, которое обещает избавить людей от необходимости ошибаться.

За окном снова прошёл поезд.

Энна посмотрела на металлический обломок. Ей вдруг подумалось, что подобные сооружения действительно похожи на стены из Найриного рассказа. Они переживают своих создателей, сохраняют их решения и продолжают направлять жизнь людей, которые давно перестали понимать первоначальное назначение.

Но аналогия не была доказательством. Она знала это. И всё же мысль не отпускала.

Найра раскрыла свои земельные бумаги.

– Завтра утром я пойду в контору.

– А я вернусь к водосбросу.

– Возможно, тебе не позволят туда войти.

Энна посмотрела на неё. Найра слегка улыбнулась.

– Я знаю, что это вряд ли тебя остановит. Но всё же подумай, стоит ли добавлять к одному необратимому поступку следующий.

– Ты считаешь, мне следует ничего не делать?

– Нет. Я считаю, тебе следует наконец решить, чего ты хочешь добиться.

Энна перевела взгляд на свою запись. Она приехала про-

верить состояние ниши. Теперь перед ней находились признаки чужого вмешательства, неизвестный металлический предмет и мёртвый человек, занимавшийся железнодорожной разведкой.

Каждое обстоятельство требовало отдельного объяснения.

И всё же она чувствовала почти непреодолимое желание связать их в единую историю. Это было бы удобно. Один противник. Один замысел. Одна тайна. Всё получило бы значение, даже убийство.

Она вдруг поняла, насколько опасно это желание.

Если однажды окажется, что разведчик не имел никакого отношения к древней кладке, его смерть станет ещё бессмысленнее.

Точнее, бессмысленнее для неё. Человек всё равно останется мёртвым.

– Я хочу выяснить, кто вскрыл нишу, – сказала Энна. – И что было внутри.

– Хорошо.

– Если эти события связаны с погибшим, выясню как.

– А если не связаны?

Энна посмотрела на неё.

– Тогда не стану придумывать связь.

Найра кивнула.

– Это уже начало.

– Ты довольна?

– Пока нет.

– Чем?

Найра положила ладонь на старые расписки.

– Ты ни разу не спросила, как звали человека, которого убила.

Энна почувствовала, как в груди появляется знакомое неприятное напряжение.

– В его документах было имя. Я не уверена, что настоящее.

– Какое?

Она помедлила. Потом назвала его. Найра повторила имя, словно проверяя, как оно звучит.

– Ты запомнила.

Энна ничего не ответила. Ей не хотелось вспоминать ни кошелёк, ни маленькую квитанцию, ни женщину, которой погибший пересылал деньги.

– У него были бумаги, – сказала она наконец. – По ним можно установить происхождение.

– Возможно.

– Если он действовал под чужим именем, придётся искать дальше.

– Да.

Найра некоторое время смотрела на неё.

– Ты можешь узнать о нём многое. Но будь осторожна с тем, зачем тебе это знание.

Энна нахмурилась.

– Что ты имеешь в виду?

– Иногда мы ищем в прошлом убитого человека только то, что позволит нам легче пережить его смерть.

Энна хотела ответить резко. Но не нашла слов.

Найра поднялась и начала убирать бумаги. Разговор закончился. Энна была ей благодарна за это.

Позднее, когда Найра ушла в соседнюю комнату, Энна снова открыла тетрадь. Она перечитала описание столкновения.

Всё было изложено точно.

Не хватало только одного. Она так и не объяснила, почему не попыталась обезоружить мужчину. Сначала Энна решила, что не успела подумать. Затем вспомнила, что успела заметить его страх, положение руки, неуверенность в движениях. Она даже успела испытать любопытство.

Времени хватало.

Разве что для другого решения ей потребовалось бы отказаться от собственного преимущества.

Ей стало неприятно.

Возможно, она не захотела этого делать. Возможно, человек, который не мог причинить ей смертельного вреда, вызвал в ней раздражение самим намерением.

Это было отвратительное объяснение.

И именно поэтому она не могла его отвергнуть.

Энна взяла перо.

Под последней строкой она добавила:

«Возможность задержания противника без причинения смерти не была проверена».

Потом задумалась. Фраза казалась слишком удобной. Она говорила о возможности, словно та существовала отдельно от человека, который должен был ею воспользоваться.

Энна зачеркнула строку и написала иначе:

«Я не предприняла попытки задержать его живым».

Это было точнее.

Она смотрела на написанное, пока чернила не высохли. Потом закрыла тетрадь. В соседней комнате Найра тихо читала.

Энна различала отдельные слова, но не пыталась вслушиваться. Ей вдруг пришло в голову, что вера Найры была не столько уверенностью в существовании высшего замысла, сколько отказом считать собственное понимание последней мерой мира.

Но тут же она вспомнила, сколько жестокости совершали люди, уверенные в священности своих обязательств. Найра сама прекрасно знала об этом. Вероятно, потому и читала старую книгу снова и снова, находя в ней не только утешение, но и обвинение.

Энна не могла решить, что раздражает её сильнее: вера Найры или то, что эта вера не делала собеседницу глупее.

Она вновь развернула лист с образцами.

Небольшой металлический обломок лежал рядом с зарисовкой третьего отверстия.

На плоской стороне различались две параллельные линии. Энна долго рассматривала их.

Если часть пластины действительно находилась внутри ниши, кто-то мог извлечь основной предмет, оставив лишь повреждённый край. Но для чего служила пластина? Что удерживали старые отверстия? Почему новое появилось рядом с ними?

Она взяла копию описания тридцать девятого года. Перечитала ещё раз.

В ней упоминалось обязательство, но не говорилось, кто именно должен обеспечивать сохранность места. Даже формулировка о пустоте могла относиться не к первоначальному устройству сооружения, а к состоянию, установленному после какого-то события.

Энна достала чистый лист и разделила его на две части. Слева записала подтверждённое. Справа – то, что пока оставалось предположением.

Она перечислила установленные факты: третье отверстие существовало и сохраняло свежие следы обработки; в нише оставались металлические частицы без очевидной связи с поздними ремонтами; древняя запись требовала сохранять промежуток пустым. Связь с Ферром была документальной, но не объяснённой. Разведчик знал о проходе, однако его осведомлённость о нише не была установлена.

Энна перечитала перечень.

Впервые с момента спуска под землю ей показалось, что

задача приобрела понятные границы.

Она не обязана была раскрыть тайну Ордена за одну ночь. Не обязана была найти виновного в каждом обстоятельстве.

Но могла установить, кто и когда вмешался в кладку.

Для этого требовались люди, документы и время.

И, возможно, то, чего Энна прежде всего не любила, – помощь тех, кому она не могла объяснить настоящую цель поиска.

За окном медленно начинался рассвет. Станция оживала.

Энна услышала шаги на лестнице, стук ведра и голос женщины, требовавшей от кого-то вернуть пустую посуду. Потом прозвучал первый утренний свисток.

Она подошла к окну.

У дальнего пути рабочие готовили к отправлению несколько вагонов. Возле мастерских стояли люди с инструментами. Телеграфист спешил через площадь, придерживая сумку с бумагами.

Каждый был занят своим делом.

Им не требовалось знать о древнем Ордене, чтобы поддерживать железную дорогу в действии.

Они не должны были понимать замыслы Ферра, чтобы исполнять распоряжения учреждений, которые возникли благодаря его решениям.

И тем более не обязаны были расплачиваться за столкновение двух чужих интересов в подземной галерее.

Однако Энна знала, что именно это и может произойти.

Один из путевых служащих уже стоял у станционного начальника, что-то быстро объясняя. Тот слушал, держа в руках бумагу. Рядом ожидал человек в форме железнодорожной охраны.

Начиналась другая история.

Та, в которой у Энны пока не было имени.

Она отошла от окна и снова посмотрела на старую запись.

Билгам Ферр.

Эти два слова не объясняли ни назначения ниши, ни характера обязательства, ни появления недавних следов.

Но они обозначали человека, который однажды сумел изменить целую страну, а затем оставил после себя порядок, продолжавший влиять на миллионы людей.

Энна никогда не считала его простым властолюбцем.

Такие люди редко создают долговечные государства.

Он был человеком необычайного ума и воли. Умел видеть взаимосвязи, недоступные большинству современников. Понимал, как одно хозяйственное решение изменяет военную безопасность, как закон о собственности влияет на верность провинций, как способ назначения чиновников постепенно определяет судьбу целой страны.

Но Энну занимало не столько то, что он построил.

Её занимало, чего он испугался, когда построенное начало жить собственной жизнью.

Для чего государственному деятелю, обладавшему властью над республиканскими учреждениями, понадобилось

соглашение с организацией, существовавшей задолго до его рождения?

Что Ферр мог предложить Ордену?

И что Орден мог обещать ему, если не подчинялся никакому человеческому закону?

Она попыталась представить человека, который обнаружил предел собственной власти.

Не поражение в войне. Не предательство соратников. Не недостаток денег или оружия. Нечто более неприятное.

Возможность того, что даже самый разумный порядок, созданный для защиты людей, однажды начнёт защищать прежде всего самого себя.

Ферр мог знать это. Мог пытаться предотвратить. Мог, напротив, считать необходимой ценой устойчивости.

Ни одно предположение пока не имело достаточных оснований.

Энна закрыла папку.

В этот момент из соседней комнаты вышла Найра.

Она уже была одета и держала в руке свои земельные бумаги.

– Ты не спала? – спросила она.

– Нет.

– Нашла что-нибудь?

– Несколько вопросов.

Найра посмотрела на стол.

– Этого пока достаточно.

– Для тебя, может быть.

– Для тебя тоже. Просто ты не любишь, когда работа начинается с признания собственного незнания.

Энна усмехнулась.

– Ты опять права?

– Сегодня не собираюсь проверять.

Найра направилась к двери.

– Когда вернёшься? – спросила Энна.

– Если бумаги примут, к вечеру. Если нет – не знаю.

– А если понадобится помощь?

Найра остановилась.

– Я попрошу.

– Ты редко просишь.

– Ты редко предлагаешь.

Энна хотела ответить, но Найра уже открыла дверь.

– И ещё, – сказала она, обернувшись. – Не пытайся исправить вчерашнее тем, что сегодня найдёшь более важное дело.

Энна посмотрела на неё.

– Ты можешь хотя бы иногда уходить без последнего слова?

Найра улыбнулась.

– Могу. Но не сегодня.

Дверь закрылась. Энна осталась одна.

Некоторое время она стояла неподвижно, прислушиваясь к шагам на лестнице. Затем вернулась к столу.

Рядом лежали два листа. На одном – описание древнего

обязательства. На другом – её собственная запись об убийстве.

В первом говорилось, что нечто должно оставаться незаполненным.

Во втором Энна признала, что отняла жизнь, хотя могла попытаться поступить иначе.

Она ещё не знала, связаны ли эти события.

Но впервые подумала, что самый важный вопрос в соглашении Ферра мог заключаться вовсе не в том, что Ордену разрешили сделать.

Возможно, значение имело то, чего ему не позволили.

Энна взяла чистый лист и написала:

«Установить, кто имел право изменять нижнюю кладку после заключения обязательства».

Потом остановилась.

Слова «имел право» неожиданно показались ей важнее остальных.

Она перечитала их.

Внизу, на улице, кто-то позвал железнодорожного рабочего по имени. Послышался ответ. Потом заскрипели колёса телеги.

Начинался обычный день.

У людей были свои заботы, долги, болезни, дела и обещания.

Они ещё не знали, что в старой галерее нашли человека без головы.

Скоро узнают.

Потом начнут искать виновного.

И, возможно, найдут совсем не того, кого следовало искать.

Энна опустила перо.

Перед ней лежал документ, которому было почти восемьдесят лет.

Она не знала, чья воля стояла за ним.

Не знала, почему Орден продолжал хранить обязательство.

И не знала, что именно однажды произошло между его представителями и Билгамом Ферром.

Но теперь у неё появился вопрос, на который нельзя было ответить одной древней записью.

Если даже Ферр, способный распоряжаться судьбой государства, однажды счёл необходимым ограничить чью-то власть, почему Орден должен считать собственную власть исключением?

Энна посмотрела на закрытую дверь.

Найра наверняка сказала бы, что это хороший вопрос.

А потом спросила бы, почему он возник только после убийства.

Энна невольно усмехнулась.

Затем сложила документы и убрала металлический обломок в отдельный конверт.

На конверте написала дату и место находки.

Ниже – два слова:

«Нижняя кладка».

Она ещё раз проверила, что обломок лежит между листами плотной бумаги, и закрыла сумку.

Оставалось установить, что именно извлекли из ниши.

Кто это сделал.

И почему кто-то решил нарушить состояние, которое Орден сохранял почти восемьдесят лет.

Энна поднялась.

На мгновение её взгляд остановился на собственном клинке.

Она вспомнила лицо мужчины, когда второй выстрел не остановил её.

Страх. Недоверие. И тот короткий миг, когда он ещё был жив.

Энна отвернулась.

Впервые ей не захотелось брать оружие с собой.

Но она взяла. Не потому, что считала его необходимым. Она просто пока не знала, кем будет без него.

За окном протяжно свистнул паровоз. На станции начиналась новая отправка.

В глубине долины, под дорогой и мокрыми камнями, оставалась старая ниша, когда-то связанная с обязательством, смысл которого ещё предстояло установить.

А рядом с ней лежал человек, погибший из-за решения, которое не имело к этому обязательству никакого доказан-

ного отношения.

Энна застегнула сумку и вышла из комнаты.

Она направлялась искать того, кто изменил древнюю кладку.

Но впервые за долгое время не была уверена, что, найдя его, получит право решать его судьбу.

Глава 2. Чужой след

Девочка никак не могла понять, почему отец не берёт её на руки. Она тянулась к нему, прижимая к груди старую мужскую шапку, а он неловко наклонялся, стараясь обнять её связанными руками. Конвойный торопил. Женщина рядом что-то объясняла, но слова тонули в грохоте вагонов, которые маневровый паровоз толкал вдоль соседнего пути.

Набар Вал остановился у края платформы.

– Кого ведут?

Носильщик, подхвативший его чемодан, проследил за взглядом.

– Сторожа. Из ночной смены.

– Что сделал?

– Иностранца пропустил.

– Какого иностранца?

– Которого нашли мёртвым.

– Значит, задержали за убийство?

– Нет, господин. За то, что пропустил.

Набар посмотрел на связанного человека. Тот не пытался оправдываться. Он стоял, опустив голову, пока женщина объясняла конвойному, что муж всю ночь находился на посту.

– А кто убил иностранца?

Носильщик пожал плечами.

– Если бы знали, наверное, сторожа не забирали бы.

Набар невольно усмехнулся. В этой логике было нечто одновременно простое и отвратительное. Он подошёл к конвойным, показал удостоверение Управления V.

– Кто распорядился задержать?

Старший вытянулся.

– Уполномоченный Лед. До выяснения обстоятельств.

– Сопротивлялся?

– Нет.

– Пытался бежать?

– Нет.

– Тогда развяжите.

Охранник помедлил.

– Нам приказано доставить его к дознавателю.

– Вот и доставьте. Без верёвки, если она не требуется для безопасности.

Конвойный подчинился. Женщина прижала ладонь ко рту. Девочка бросилась к отцу, и тот наконец поднял её на руки. Набар не стал смотреть, что произошло дальше.

У входа в станционное управление носильщик догнал его.

– Ваш чемодан, господин!

Набар обернулся. Он успел совершенно забыть о нём.

– Благодарю.

– Вы из столицы?

– Прибыл оттуда.

– Значит, разберётесь.

– С чем?

Носильщик указал на станционные здания.

– Со всем этим.

Набар заплатил ему и вошёл внутрь. Он слишком хорошо знал, что появление Управления V далеко не всегда означало приближение ясности.

Равен был одним из тех городов, которые выросли не потому, что кому-то понравилось место, а потому, что здесь оказалось удобно пересекаться железнодорожным путям. Между мастерскими, угольными складами и грузовыми дворами теснились жилые дома, трактиры, лавки и постоялые дворы. За железной дорогой начинались старые кварталы, возникшие ещё до Перелома. На противоположной окраине стояли новые кирпичные здания, построенные для рабочих и служащих.

Станция обеспечивала сообщение между внутренними районами Республики и восточными линиями. Через неё шли продовольствие, топливо, металл, машины и военные грузы. Последние недели движение стало особенно напряжённым: после кризиса снабжения перевозки перераспределяли, ускоряли, задерживали и снова ускоряли, пока первоначальные графики не потеряли почти всякое значение.

Теперь ко всему прибавился мёртвый иностранец.

Набара направили проверить возможную утечку сведений о стратегических перевозках. Письменное поручение давало ему право знакомиться с соответствующими материалами,

опрашивать служащих и устанавливать круг лиц, имевших доступ к документам. Расследование самого убийства оставалось за местным дознавателем, а охраной станции занималось окружное подразделение V.

Набар прочитал поручение ещё в поезде. После истории с Даниром Белом он привык обращать внимание не только на предоставленные полномочия, но и на отсутствующие.

В служебной комнате его встретил Гарс Лед. Лед был старшим уполномоченным окружного управления. Крепкий мужчина с тяжёлыми плечами, коротко подстриженными волосами и лицом человека, который редко сомневался достаточно долго, чтобы это заметили окружающие. Набар знал его много лет, но прежде почти не работал с ним непосредственно.

– Вал. Долго добирался.

– Поезд задержали.

– Здесь теперь всё задерживают. С тех пор как начали спасать снабжение, дорога перестала успевать перевозить грузы.

– Зато подозреваемого уже нашли.

Лед поморщился.

– Видел?

– На платформе.

– Ночной сторож. Чужой человек проник на закрытую территорию, устроил стрельбу и погиб. А сторож утверждает, что ничего не видел.

– Возможно, не видел.

– Возможно, спал.

– Вот и выясним.

Лед поднялся.

– Пойдём к покойнику. Он пока единственный, кто не меняет показаний.

В холодном помещении старой весовой на узком деревянном столе лежало тело мужчины, накрытое грубой тканью. Отсечённую голову положили рядом под отдельным полотном. Возле стены стоял таз с водой. На полу темнели следы сапог людей, переносивших тело после обнаружения.

Врач Вирн, седой мужчина с красными от недосыпания глазами, встретил их без особого почтения.

– Если собираетесь снова его переворачивать, скажите сразу, что ищете.

– Причину смерти, – ответил Набар.

– Её я установил. Остальное пока не знаю.

Он откинул ткань. Убитому было около сорока. Крепкое сложение, короткие волосы, давно сломанный нос. На пальцах правой руки сохранились следы чернил. На левом запястье виднелась узкая светлая полоска от вещи, которую он, вероятно, носил постоянно.

Вирн указал на шею.

– Один сильный удар клинком по шее. Голова отделена. Смерть наступила быстро.

– Спереди?

– Судя по направлению удара – да.

– Следы борьбы?

– Повреждение кисти, разрыв на вороте. Немного. Ничего похожего на продолжительную схватку.

Набар наклонился. Удар был точным. Такое случалось при столкновении с опытным противником, но могло оказаться и удачей. Убийца подошёл достаточно близко, чтобы нанести смертельный удар, несмотря на оружие в руках погибшего.

– Он стрелял? – спросил Набар.

Лед протянул короткоствольный револьвер.

– Два использованных заряда.

– Куда попал?

Врач развёл руками.

– Я осматривал только его.

– На месте обнаружили другую кровь?

– Были пятна, происхождение которых не удалось уверенно установить. Но тело перенесли до моего прибытия. Я не стану определять число раненых по тому, что увидел позднее.

Набар кивнул.

– Правильно.

– Редкая оценка моей работы, – заметил Вирн.

– Вам обычно говорят другое?

– Обычно требуют сказать больше, чем можно установить.

Лед положил револьвер обратно.

– При нём были планы станции. Этого достаточно, чтобы

считать дело серьёзным.

– Серьёзным – да, – ответил Набар. – Понятным – нет.

Он подошёл к другому столу, где лежали вещи погибшего. Сменная рубашка, кошелёк с иностранными монетами, небольшая металлическая линейка, записная книжка и сложенный план железнодорожного узла.

Чертёж был старым. Некоторые участки дороги на нём ещё не существовали в нынешнем виде, однако позднейшие изменения были нанесены от руки. Особенно много пометок оказалось возле восточной горловины, угольной площадки и недавно построенного обходного пути.

– Когда закончили обходную ветку? – спросил Набар.

– Недавно, – ответил Лед.

– Мне понадобится дата.

Набар открыл записную книжку. На страницах стояли числа, сокращения и небольшие таблицы. Иногда одинаковые обозначения повторялись с промежутком в несколько дней. Полных имён почти не было.

– Расшифровали?

– Пока нет.

– Сверяли с движением?

– Начали.

– Продолжим. Надо определить, какие сведения он мог получить наблюдением, а какие – только от других людей.

Лед скрестил руки.

– Думаешь, у него был сообщник?

– Не знаю. Но он явно интересовался не только расположением путей.

Набар закрыл книжку. Пока ему было достаточно одного вывода: иностранец целенаправленно собирал сведения о работе станции. Кем он был, на кого работал и почему погиб в старой галерее, ещё предстояло установить.

– Уберите из предварительного заключения слова о диверсионной группе, – сказал он.

Лед нахмурился.

– Почему?

– Потому что у нас пока один погибший и неизвестный убийца. Наличие группы не установлено.

– Если она есть, мы потеряем время.

– А если её нет, потратим время на поиск людей, которых придумали сами.

Лед посмотрел на него с плохо скрытым раздражением.

– После истории с Белом ты стал особенно осторожным.

Набар не ответил. Некоторые имена следовало произносить только тогда, когда собеседник действительно хотел о них поговорить.

Начальник станции Керен Лот встретил их в кабинете, где было жарко до удушья. На стене висела большая схема путей. Возле окна стояла печь. На столе лежали ведомости задержанных грузов, несколько телеграмм и недоеденный ломоть хлеба. Лот был крупным краснолицым человеком с сильными руками и привычкой отвечать прежде, чем собеседник

заканчивал вопрос.

– У меня два состава на восточном подходе, третий задержан на предыдущей станции, – начал он вместо приветствия. – Если сегодня не откроем обходной путь, завтра перестанем принимать грузы с запада.

– До окончания проверки движение ограничено, – сказал Лед.

– Это я знаю. Я расписался в получении распоряжения.

– Тогда в чём проблема?

– В том, что оно не освобождает пути.

Набар подошёл к карте.

– Какие грузы стоят?

– Мука. Насосное оборудование. Уголь для мастерских. Металл. Инструменты. Ещё пассажирские составы пришлось перевести на другую линию.

– Что необходимо отправить первым?

– Четыре вагона муки. Пекарни ждут их завтра утром. Потом запасные части для водоподъёмной станции. Уголь ещё сутки выдержит.

– А военные грузы? – спросил Лед.

– Идут через тот же узел.

– Значит, его безопасность имеет первостепенное значение.

Лот вытер лоб.

– Поэтому я и хочу, чтобы он работал.

Набар посмотрел на схему. Обходной путь недавно ввели

в эксплуатацию, чтобы увеличить пропускную способность. Теперь его закрыли после обнаружения иностранца, хотя доказательств повреждения железнодорожных устройств пока не было.

– Сколько времени необходимо для проверки? – спросил он.

Лот повернулся к двери.

– Сена!

В кабинет вошла высокая женщина лет тридцати с небольшим. Волосы были собраны, на манжете темнело чернильное пятно. Она держала кожаную папку под мышкой и выглядела так, словно её оторвали от более важного занятия.

– Старшая дежурная по движению Сена Рил, – представил Лот. – Если хотите узнать, где находятся поезда, спрашивайте её.

Сена подошла к карте.

– Обходной путь вчера был исправен. После происшествия его не использовали. Нужен повторный осмотр стрелочных переводов, сигналов и мест примыкания.

– Сколько? – спросил Лед.

– Несколько часов, если не обнаружим повреждений.

– Охрану выделим.

– Мне прежде всего нужны путевые мастера.

– Получите.

Набар указал на восточную горловину.

– Если путь исправен, поезда можно пропускать с ограни-

чением скорости?

– После осмотра, разрешения начальника станции и снятия охранных ограничений. Да.

– А если простоять ещё сутки?

Сена взглянула на Лота.

– Тогда освободить путь станет сложнее. Подойдут следующие составы, часть вагонов придётся переставлять. Понадобятся дополнительные люди и паровозы. Угля тоже уйдёт больше.

– Значит, задержка обходится дороже с каждым днём.

– Обычно так и бывает.

Лед нахмурился.

– А если иностранцы собирались повредить дорогу?

– Тогда надо установить, где именно существует опасность, – ответила Сена. – Пока повреждений не нашли.

Она говорила спокойно, не пытаясь переубедить старшего уполномоченного. Набар заметил, что Лот почти не вмешивается, позволяя ей объяснять устройство движения. Таким людям начальство либо доверяло, либо рано или поздно находило причину от них избавиться.

– Начинайте осмотр, – сказал Набар. – Я проверю обстоятельства происшествия в галерее. Решение о дальнейшем ограничении движения остаётся за Ледом. Эксплуатационный допуск – за вами и начальником станции.

Лед внимательно посмотрел на него.

– Ты предлагаешь мне снять ограничение?

– Пока предлагаю получить основание для решения.

Лот тяжело вздохнул.

– Господа, мне совершенно всё равно, кто из вас окажется прав. Главное, чтобы к тому времени у нас оставались пути, по которым можно ездить.

Сена взяла схему и вышла. Набар заметил, что при ходьбе она несколько раз сжимала пальцы левой руки.

– У неё что-то с кистью? – спросил он.

– В прошлом году придавило стрелочным рычагом, – ответил Лот. – После этого проверяет механизмы внимательнее остальных.

– Доверяете ей?

– Если Сена говорит, что по пути можно идти, я пускаю поезд. Если говорит, что нельзя, не пускаю. Остальное можете выяснять сами.

Старый водосборный проход уходил под железнодорожную насыпь. Камень возле входа потемнел от влаги. В трещинах рос мох, над аркой свисали тонкие корни. Между плитами медленно просачивалась вода. Набар заметил, что кладка намного старше самой дороги.

– Ещё до Перелома стояла, – подтвердил путевой мастер Олвен. – Когда проводили железную дорогу, использовали готовый водосбор. Укрепили свод, сделали отводы. Дешевле оказалось, чем строить заново.

Олвен был широкоплечим мужчиной с хриплым голосом и привычкой постоянно поправлять фонарь. В галерее было

холодно. Под ногами блестела вода. Они прошли несколько десятков шагов до расширения, где нашли тело.

– Вот здесь лежал, – сказал мастер.

На камне сохранились тёмные пятна. Следы обуви смешались с отпечатками сапог рабочих, переносивших погибшего. У дальней стены ещё виднелась полоса сырого грунта, куда почти не ступали.

– Кто обнаружил?

– Двое моих людей. Пришли проверить водоотвод после дождя.

– Выстрелы слышали?

– Сам не слышал. Сторож говорил, что ночью стреляли.

Набар присел возле стены.

– Здесь часто бывают посторонние?

– Иногда. Через дальний выход можно попасть к старой служебной дороге, минуя главные ворота.

– Охрана знает?

– Конечно. Только постов на каждую дыру не хватает.

Галерея разделялась на два рукава. Один принимал воду из старого канала, второй уходил вдоль насыпи. В глубине виднелась боковая ниша, частично перекрытая позднейшей кладкой. Набар подошёл ближе. В стене различались металлические крепления разного времени. Одни покрылись старой ржавчиной, другие выглядели сравнительно новыми.

– Здесь ремонтировали? – спросил он.

Олвен поднял фонарь.

– Не мои люди. По крайней мере, за последние месяцы я наряда не выдавал.

– Кто мог работать раньше?

– Прежняя бригада. Возможно, ещё до моего назначения. Надо смотреть книги работ.

Набар разглядывал стену. Старое сооружение многократно перестраивали. Часть элементов могла относиться к железной дороге, часть – к гораздо более раннему устройству водосбора. Следы недавнего вмешательства не обязательно были связаны с убитым человеком.

– Попросите начальника станции найти сведения о последних работах, – сказал Набар.

– Хорошо.

Он не стал исследовать нишу подробно. Набар пришёл сюда выяснить, каким образом вооружённый иностранец проник на охраняемую территорию и где встретил убийцу. Значение старых креплений пока не давало ответа ни на один из этих вопросов.

– Что нашли отдельно от вещей погибшего?

– Обрывок ткани. Ещё говорили о металлических крошках у стены, но здесь после ремонтов всякого железа хватает.

Лед поднял голову.

– Кто говорил?

– Рабочие. Я велел не трогать ничего лишнего.

– Обрывок в описи есть, – сказал Лед.

– Покажете после осмотра, – ответил Набар.

Они двинулись обратно. У выхода Олвен неожиданно остановился.

– Скажите, а если человек пришёл сюда по собственной надобности, это обязательно означает, что хотел испортить дорогу?

– Нет.

– Вот и я так думаю. А вчера ваши всё спрашивали, где лучше заложить заряд.

Лед нахмурился.

– Мы обязаны проверить возможность диверсии.

– Проверяйте. Только если бы хотели обрушить насыпь, я бы сюда не полез.

– Почему?

Мастер указал на свод.

– Толстый камень, хорошие опоры. Чтобы его разрушить, придётся постараться. Есть места уязвимее.

Набар посмотрел на потемневшие плиты. Старую галерею строили люди, чьих имён никто уже не знал. Их государство исчезло, дорога изменилась, несколько поколений инженеров использовали сооружение для собственных нужд. А камень продолжал делать то, ради чего был сложен.

– Значит, иностранец мог использовать проход, – сказал Набар.

– Конечно. Как и любой, кто его знал.

– Тогда зачем ему понадобились планы всей станции?

Олвен пожал плечами.

– Этого я не знаю.

Набар кивнул. Олвен не пытался превратить неизвестное в чью-то вину.

Сторожа Риса Пела допрашивали в маленькой комнате возле караульного помещения. За столом сидел местный дознаватель Сарн Гел, сухощавый человек с седыми висками и усталыми глазами. Перед ним лежали исписанные листы. Пел находился напротив, положив руки на колени. Набар представился и объяснил, что хочет проверить сведения о доступе в старую галерею. Гел согласился.

– Расскажите ещё раз, – сказал он сторожу.

Пел тяжело вздохнул.

– Я уже рассказывал.

– Повторите только то, что действительно помните, – попросил Набар. – Без того, что узнали позднее.

Сторож поднял голову. Ему было немного за сорок. Худое лицо, обветренная кожа, старый шрам на щеке. По натруженным рукам Набар понял, что прежде он занимался физической работой.

– Ночью услышал два хлопка, – сказал Пел. – Один, потом второй. Почти сразу. Я стоял возле нижних ворот.

– Видели стрелявшего?

– Нет.

– Что сделали?

– Окликнул. Никто не ответил. Тогда сообщил старшему.

– Что именно?

– Что слышал выстрелы со стороны водосбора. Он велел оставаться на посту, обещал проверить.

Набар посмотрел на Гела.

– Старший подтверждает?

– Получение сообщения – да. Утверждает, что решил, будто стреляли охотники за дальним откосом.

– Пел имел право покидать пост?

– Без распоряжения – нет.

– Тогда на чём основано задержание?

Гел потёр переносицу.

– Первоначально предполагалось содействие проникновению. Но пока доказательств сговора нет.

Лед вмешался:

– Он мог пропустить иностранца. Мог предупредить сообщников.

– Мог, – согласился Гел. – Но мне нужны обстоятельства, подтверждающие хотя бы одно из предположений.

Набар посмотрел на сторожа.

– Вы знакомы с погибшим?

– Нет.

– Видели его раньше?

– Нет.

– Получали деньги или просьбы пропустить кого-либо?

– Нет.

– Пытались скрыть своё сообщение о выстрелах?

– Зачем? Я же сразу сказал старшему.

Набар повернулся к дознавателю.

– С моей стороны дополнительных оснований для задержания нет. Предлагаю проверить службу отдельно. Вопрос об освобождении остаётся за вами.

Гел некоторое время смотрел на Пела.

– Вы будете являться по вызову и не покидать город без уведомления. От работы в ночной охране временно отстранят до окончания проверки.

Пел медленно поднял голову.

– Меня отпускают?

– Пока да.

Он встал, но возле двери остановился.

– Там был кто-то ещё.

Все повернулись к нему.

– Где? – спросил Гел.

– Возле галереи. После выстрелов.

– Вы же говорили, никого не видели.

– Не видел. Слышал, как кто-то шёл по камню. Со стороны старого выхода.

– Один человек? – спросил Набар.

– Кажется, один.

– Голос слышали?

Пел замялся.

– Не уверен.

Лед подошёл ближе.

– Женский?

Сторож быстро взглянул на него.

– Меня уже спрашивали.

Набар повернулся к Леду.

– Кто?

– Один из моих сотрудников. Есть показание обходчика, который ночью мог видеть женщину возле старой служебной дороги.

– Лицо?

– Не разглядел.

– Одежда?

– Тёмная.

Набар посмотрел на Пела.

– Вы сами слышали женский голос?

– Не знаю. Там всё отдаётся эхом. Может, кто-то говорил, а может, вода шумела.

– Тогда так и запишем.

Пел облегчённо выдохнул.

Когда он вышел, Гел устало откинулся на спинку стула.

– Теперь у нас появится женщина.

– Пока только предположение о женщине, – ответил Набар.

– Для половины станции этого будет достаточно.

Набар ничего не сказал. Он знал, как быстро одно неуверенное свидетельство превращается в подробный рассказ, а затем в факт, который уже никто не считает нужным проверять.

Гел закрыл протокол.

– Хорошо, что вы приехали.

– Почему?

– Ваши люди привыкли искать врагов. Наши – виновных. Иногда забываем, что это не одно и то же.

Набар посмотрел на него.

– Иногда забываем и мы.

К вечеру поднялся ветер. Дождь бил по крышам вагонов, стекал по деревянным настилам и собирался в лужах между шпалами. Рабочие натягивали брезент на грузы, ругались и торопливо переносили инструменты под навесы.

Проверка обходного пути подходила к концу. Путевые мастера осмотрели стрелочные переводы, крепления, сигнальные тяги и примыкания. Видимых повреждений не обнаружили. Оставалось провести заключительное испытание механизмов перед пропуском первого состава.

Лед согласился заменить полное ограничение движения усиленной охраной отдельных участков. Решение оформлялось в пределах его полномочий. Лот, получив техническое заключение, готовил разрешение на эксплуатацию пути. Набар присутствовал как представитель подразделения, проверявшего возможную утечку сведений. Он не собирался командовать железнодорожниками.

Четыре вагона муки уже стояли за паровозом. Машинист получил предупреждение о необходимости пройти восточную горловину на малой скорости. Набар поднялся на де-

ревянную площадку возле сигнального поста. Внизу люди с фонарями заняли свои места. У дальнего перевода мастер ещё раз проверял механизм.

Сена находилась у сигнальной стойки. Она несколько раз перевела рычаг, наблюдая за ответным указателем. Потом нахмурилась.

– Третий перевод! Проверить запирание!

Мастер поднял фонарь.

– Рычаг дошёл!

– Смотрите остряк!

Он присел возле рельса.

В этот момент на подходе показался паровоз. Состав двигался медленно, ожидая разрешающего сигнала на дальнейший проход. Сена не стала открывать путь.

– Оставить закрытым!

Мастер выпрямился и поднял красный фонарь.

Машинист дал торможение.

Колёса протяжно заскрежетали по мокрым рельсам. Паровоз продолжал двигаться ещё несколько мгновений, прежде чем остановился перед закрытым сигналом. Набар невольно напряг плечи.

– Что случилось?

Сена уже спускалась по лестнице.

– Механизм не заперся.

Они подошли к переводу. Мастер стоял на коленях возле рельса. Между подвижным остряком и рамным рельсом

оставался узкий зазор.

– При предыдущей проверке прилегал, – сказал он.

Сена присела рядом. Не обращая внимания на грязь, она проверила тягу, затем попросила осторожно перевести механизм обратно. Рычаг двигался с трудом.

– Стойте.

Мастер остановился. Сена указала на соединение.

– Палец вышел из места. Шплинт повреждён.

Набар наклонился. Металлическая деталь, соединявшая части механизма, сместилась. Тяга ещё передавала усилие, но уже ненадёжно. После нескольких переводов крепление начало расходиться.

Лед подошёл ближе.

– Это могли сделать намеренно?

Сена подняла голову.

– Могли. Но здесь старая выработка. Сначала разберём, потом решим.

– Если бы поезд прошёл?

– При неплотном прилегании остряка колесо могло пойти неправильно. На такой скорости машинист, возможно, успел бы остановиться. А возможно, сошла бы тележка.

– Значит, мы едва не потеряли состав.

– Мы его остановили, – ответила она. – Именно для этого существует проверка.

Сена велела закрыть путь до устранения неисправности. Рабочие принесли инструмент. Один держал фонарь, другой

разбирал соединение. Изношенный палец вытащили. В крепёжном отверстии обнаружилась выработка, из-за которой деталь могла смещаться при каждом переводе.

– Когда его последний раз проверяли? – спросил Набар.

– Перед открытием обходного пути. Потом при обычном обслуживании.

– Почему не заметили?

– Раньше он ещё работал. Износ мог увеличиваться постепенно.

– Значит, неисправность не связана с иностранцем?

Сена посмотрела на него.

– Пока ничего не указывает на связь. Но если хотите проверить, кто и когда обслуживал перевод, записи есть у мастера.

Лед нахмурился.

– А если кто-то нарочно ослабил крепление?

– Тогда это должно подтвердиться осмотром. Сейчас мне нужен исправный механизм.

Она отвернулась к рабочим.

Набар остался возле пути. До остановленного паровоза было несколько десятков шагов. Машинист стоял у машины, курил короткую трубку и наблюдал за ремонтом.

– Испугались? – спросил Набар.

Тот посмотрел на него.

– Чего?

– Могли сойти с рельсов.

– Могли.

– И?

Машинист пожал плечами.

– Сигнал закрыт – остановился.

Он снова затянулся.

Набар усмехнулся. Человек только что избежал возможной катастрофы и совершенно не нуждался в объяснении собственного мужества. Он просто выполнил работу. Набар вспомнил людей, готовых идти на любой риск ради исполнения уже подписанного приказа.

Спустя некоторое время мастера установили новое крепление, проверили соединение и несколько раз перевели механизм в обе стороны. Сена потребовала повторить испытание.

– Уже проверяли, – заметил Лед.

– Проверим после нескольких переводов.

– Вы не доверяете собственным мастерам?

– Доверяю. Поэтому и слушаю, что они говорят о старом механизме.

Лед промолчал.

Когда осмотр завершился, Сена поднялась к сигнальному посту. Только после её подтверждения открыли путь.

Паровоз медленно двинулся. Возле стрелочного перевода стояли два мастера с фонарями. Они следили за каждым колесом, пока не прошёл последний вагон.

Затем один из них поднял фонарь. Путь был свободен.

Сена выдохнула и сняла перчатку. Левая кисть у неё заметно дрожала. Она несколько раз согнула пальцы, прежде чем взять карандаш и сделать запись о завершении пропуска.

– Теперь можно готовить следующий состав, – сказала она.

Лед посмотрел на неё.

– Вы уверены, что путь исправен?

– После выполненного ремонта и проверки – да.

– А завтра?

– Завтра его снова осмотрят.

Набар улыбнулся. На железной дороге, по крайней мере, ещё оставались люди, которых нельзя было убедить одной подписью. И именно на них она держалась.

Поздним вечером Набар вернулся в станционное здание. Дождь не прекращался. В коридоре пахло мокрой одеждой, углём и дешёвым табаком. Из комнаты связистов доносился стук телеграфа.

Набар купил у станционного торговца кусок пирога с капустой и кружку горячего напитка. Пирог оказался холодным, напиток – слишком сладким. Он всё равно доел.

Сидя возле окна, Набар наблюдал за рабочими, которые переходили через двор. Один тащил тяжёлый ящик, второй ругался на грузчиков, третий остановился прикурить, прикрывая огонь ладонью от ветра.

После смерти Бела Набар всё чаще замечал усталость, которой прежде почти не придавал значения. Не только соб-

ственную. У людей, которых допрашивали до утра. У железнодорожников, исполнявших распоряжения сразу нескольких начальников. У сторожей, обязанных помнить каждую минуту ночи, когда они не видели ничего необычного.

Он раньше считал, что плохую процедуру всегда можно исправить правильной. Теперь понимал, что правильная процедура тоже требует времени, людей и сил. Иногда именно их не оставалось.

В кармане лежала копия его прежнего сообщения о неполной описи материалов Данира Бела. Набар возил её с собой с тех пор, как зарегистрировал дополнение. Документ не восстанавливал исчезнувшую папку. Не объяснял смерть Бела. Не делал прошлое правильным. Он лишь подтверждал, что однажды Набар всё-таки записал то, о чём прежде предпочёл промолчать.

Набар редко разворачивал лист. Но иногда проверял, на месте ли он. Сейчас он коснулся кармана и поднялся. Следовало закончить сверку записной книжки иностранца.

В кабинете начальника станции оставался молодой служащий, переписывавший сведения об отправленных составах. Набар попросил принести официальный план восточной горловины, уточнённый чертёж после завершения обходного пути и действующий график движения. Служащий разложил документы на большом столе.

– Ещё что-нибудь?

– Предварительные расчёты перевозок за последние дни.

И телеграммы, которыми их изменяли.

– Последние ещё не все утверждены.

– Поэтому они мне и нужны.

Когда служащий ушёл, Набар придвинул лампу. На плане иностранца были обозначены участки, важные для пропускной способности станции: восточные переводы, угольная площадка, обходная ветка, соединение с грузовым двором.

Но главное находилось в записной книжке.

Сначала Набар сопоставил сокращения с движением поездов. Некоторые числа совпадали с количеством вагонов, прошедших через восточную горловину. Другие соответствовали времени отправления. Третьи, вероятно, обозначали перестановки пустых платформ между ветками.

Иностранец мог наблюдать за станцией самостоятельно. Мог получать сведения от торговцев и перевозчиков. Мог пользоваться чужими записями. Пока всё объяснялось без особых затруднений.

Но ближе к концу книжки появились даты, которые ещё не наступили. Возле одной стояло обозначение четырёх пустых платформ. В действующем станционном графике такой подачи не было.

Набар позвал служащего.

– Эти платформы куда-нибудь запросили?

Тот посмотрел на дату.

– Не помню. Возможно, под военный груз.

– Проверьте.

Через несколько минут он вернулся с телеграммой. Распоряжение о подаче четырёх платформ поступило сегодня днём.

Набар сверил запись иностранца.

Тот погиб раньше.

Он перечитал телеграмму. Точное число платформ и направление совпадали.

Однако это ещё не доказывало утечки. Потребность в перевозке могла обсуждаться заранее, предварительные заявки составляли за несколько дней до утверждения. Иностранец мог получить такую информацию через обычные торговые связи.

Набар попросил принести первоначальный расчёт. Служащий объяснил, что предварительные материалы находятся у старшей дежурной.

– Позовите Рил.

Через некоторое время вошла Сена. Она выглядела уставшей. Плащ промок, на щеке остался след угольной пыли. Левая рука двигалась осторожно.

– Лот сказал, вам нужны старые графики.

– Да.

Она положила на стол тонкую папку.

– Это первоначальные предложения. Часть приняли, часть изменили. Остальные ещё рассматривают.

Набар нашёл четыре платформы почти сразу. Предвари-

тельная заявка была составлена за несколько дней до гибели иностранца. Позднее её изменили, затем вернули к первоначальному варианту. Теперь стало ясно, как сведения могли появиться до окончательного распоряжения.

Но возникал другой вопрос.

– Кто видел этот расчёт?

– Я. Начальник станции. Служащие, принимавшие заявку. Военные перевозочные распорядители. Возможно, поставщики и те, кто готовил платформы.

– Много людей.

– Достаточно.

Набар показал запись иностранца.

– Здесь совпадает первая дата. Та, которую потом отменили.

Сена наклонилась.

– Да.

– Значит, человек мог получить именно первоначальный вариант.

– Мог.

– А следующие записи?

Она некоторое время изучала страницу.

– Это похоже на изменение направления.

– Что именно?

– Возможно, часть вагонов предполагалось перевести на другую ветку. Но обозначение не наше. Я не могу утверждать.

Набар развернул предварительный график. В нём действительно обсуждалась возможность изменения маршрута нескольких составов. Решение ещё не было принято. Он показал строку Сене.

– Когда вы узнаете, что такой перевод состоится?

– Когда получим распоряжение или предварительное уведомление.

– А до этого?

– Можем только предполагать. Если знаем загрузку линий, количество свободных путей и ожидаемые грузы.

– Значит, опытный человек способен предсказать изменение графика.

– Иногда.

– Насколько точно?

Сена помолчала.

– Зависит от того, сколько он знает.

Набар кивнул. Он всё больше убеждался, что иностранец собирал не просто сведения о расположении путей. Его интересовала работа железнодорожного узла: сколько вагонов можно пропустить, когда возникнут заторы, какие грузы получат преимущество. Но оставался вопрос, откуда он получал информацию о решениях, которые ещё только готовились.

– Это мог быть торговый интерес? – спросил Набар.

– Конечно. Если заранее знать, что часть дороги будет занята, можно изменить маршрут собственного груза, нанять

перевозчиков раньше других или договориться о цене. Иногда на этом зарабатывают больше, чем на самом товаре.

– Или использовать сведения против Республики.

– И это возможно.

Сена потерла больную кисть.

– Но если человек хотел просто понять, как работает наша станция, ему необязательно было пробираться в старый водосбор ночью.

Набар посмотрел на неё.

– Вот именно.

Она ушла. Набар остался над раскрытой книжкой. Впервые за день у него появилось направление расследования, не зависящее от личности убийцы. Иностранец мог получать сведения о будущих перевозках заранее. Кто их передавал, было неизвестно.

И ещё оставалось выяснить, зачем эти сведения понадобились человеку, который в итоге оказался мёртвым под старой насыпью.

Лед появился ближе к полуночи.

– Из окружного управления пришло сообщение.

Он положил перед Набаром телеграмму. Через внешнеторговое представительство поступил запрос от торгового дома, связанного с Тиренской Лигой. Разыскивали иностранного подданного, который должен был прибыть по восточному маршруту, но не явился к назначенному сроку. Описание частично совпадало с приметами погибшего.

– Имя? – спросил Набар.

– Пока не передали.

– На каком основании ищут именно здесь?

– Последний известный маршрут проходил через Равен.

– Значит, они могут ещё не знать о смерти.

– Возможно.

Набар дочитал телеграмму.

– Кто ответил?

– Пока никто. Ждём указаний.

Лед посмотрел на разложенные бумаги.

– Что нашёл?

Набар показал совпадения между книжкой иностранца и предварительными расчётами движения. Лед внимательно изучил записи.

– Значит, у него был человек среди военных перевозочных распорядителей.

– Не обязательно. Предварительные сведения могли пройти через нескольких посредников.

– Но к нему они попали.

– Похоже.

– Этого достаточно, чтобы искать источник.

– Да.

Лед заметно оживился.

– Завтра направлю людей к составителям заявок. Проверим, кому передавали сведения.

– Только не задерживай всех подряд.

Лед посмотрел на него.

– Вал, я услышал.

Он подошёл к окну.

– Ты понимаешь, что если выяснится серьёзная утечка, дело передадут выше?

– Понимаю.

– И тебя, вероятно, отстранят.

– Возможно.

– Ты слишком спокойно к этому относишься.

Набар поднял глаза.

– Предпочёл бы, чтобы я испугался?

Лед некоторое время молчал.

– Предпочёл бы, чтобы ты заранее подумал, кому мешаешь.

Он вышел. Набар остался один. Предупреждение было понятным. После истории с Белом его самостоятельный доступ к некоторым архивным материалам уже ограничивали. Теперь перед ним вновь возникало дело, способное затронуть интересы людей, имевших власть распоряжаться самими проверками.

Раньше он отнёсся бы к этому осторожнее. Не потому, что был трусом. Просто служба приучала различать ошибки, которые следовало исправлять, и ошибки, которые разумнее было не замечать. Бел однажды отказался принять такое различие. Набар до сих пор не знал, прав ли тот был.

За окном прошёл грузовой состав. Стёкла задрожали.

Свет лампы качнулся на стене. Издалека донёсся голос сигнальщика.

Набар разложил перед собой записную книжку иностранца, первоначальный график движения и позднейшее распоряжение о подаче платформ. Между ними существовала вполне земная связь. Никакого древнего заговора не требовалось, чтобы человек с деньгами и терпением получил сведения о предстоящей перевозке. Достаточно было найти служащего, перевозчика или торговца, знавшего больше остальных.

Но в последних строках записной книжки Набар обнаружил ещё одну запись. Она стояла отдельно.

Не количество вагонов, не время подачи и не обозначение обычного маршрута. Короткая пометка возле даты, которая наступала через два дня.

Набар сопоставил её с предыдущими страницами. Такой же знак иностранец использовал там, где отмечал изменение первоначального графика. Возле последней даты старый знак был перечёркнут.

Рядом стоял новый.

Набар медленно придвинул предварительный расчёт. В соответствующий день действительно предусматривалась перевозка, маршрут которой ещё окончательно не утвердили. Первоначально груз собирались провести через восточную ветку. Позднее возникло предложение изменить направление. Окончательного распоряжения ещё не существо-

вало.

Набар снова посмотрел на зачёркнутый знак. Возможно, иностранец просто предсказал изменение. Возможно, угадал.

Но если он знал о решении заранее, источник находился среди людей, участвовавших в его подготовке ещё до оформления.

Набар взял чистый лист. Он записал только подтверждённое: наличие чертежа, содержание книжки, совпадение отдельных сведений с предварительными графиками, даты составления и получения документов.

Ни слова о доказанной шпионской сети. Ни слова о неизвестной женщине. Ни слова о тайном заказчике. Всё это ещё предстояло выяснить.

Закончив, он вспомнил старый журнал Государственного счёта, из которого исчезла запись о ночном появлении сотрудников V. Запись существовала. Набар видел её собственными глазами. Потом её не стало, а его воспоминание превратилось в обстоятельство, которое требовалось доказывать.

Сейчас он снова работал с бумагами, доступ к которым зависел от чужих решений. Набар вынул небольшой лист и отметил номера документов, время их получения и фамилии присутствовавших при сверке. Затем сложил запись и убрал в карман.

Он не считал, что таким способом обезопасил себя. Но

если завтра кто-нибудь заявит, что часть документов никогда не существовала, у Набара хотя бы останется возможность назвать, когда и у кого он их видел.

Снаружи протяжно свистнул паровоз. Набар подумал о стороже Рисе Пеле, девочке с отцовской шапкой и Сене Рил возле неисправного стрелочного перевода. Ни один из этих людей не знал всей картины. Каждый отвечал за небольшую часть работы, от которой зависело значительно больше, чем он мог увидеть.

Иностранец, лежавший теперь под тканью в холодной весовой, пытался составить картину всей дороги. Но кто-то прервал его работу.

Набар не знал, кто. Не знал, почему убийца оказался под старой насыпью. И не знал, имела ли смерть иностранца какое-либо отношение к собранным им сведениям.

Он закрыл книжку. Оставалось проверить ещё один вопрос:

Кто знал о предполагаемом изменении маршрута до того, как решение было принято?

Набар записал его на отдельном листе.

За окном продолжала работать железная дорога. Машинисты следили за сигналами, путейцы проверяли стрелки, рабочие разгружали вагоны. Грузы двигались к людям, которые ждали их в других городах и ничего не знали о смерти неизвестного иностранца.

Набар погасил лампу.

На этот раз он хотел получить ответ раньше, чем кто-нибудь решит, каким тот должен быть.

Глава 3. Старая граница

Мера ударила палкой по деревянному колышку. Тот покосился, но остался в земле. Старуха ударила ещё раз, и колышек вылетел из размокшей глины прямо под ноги рабочему.

– Ещё один поставишь – тебе же и достанется.

Рабочий отступил, оглянулся на товарища и выругался.

– Бабка, мы землю размечаем!

– Свою размечай.

– Нам за эту платят.

– Значит, кто-то заплатил за чужую.

Второй рабочий рассмеялся, но быстро замолчал, заметив Найру.

Она стояла возле старой груши, наблюдая за происходящим. Невысокий земляной холм, на котором росло дерево, отделял прежнее русло реки от дороги. Когда-то здесь проходила граница нескольких земельных наделов. Потом реку отвели ради железнодорожной насыпи, дорогу перенесли, а границы переписали. Теперь вся долина выглядела иначе, чем на старом плане.

Только груша оставалась на месте.

– Вы с ней? – спросил рабочий.

– Сегодня – да.

– Тогда объясните, что у нас распоряжение.

– Она понимает. Ей не нравится, что вы исполняете его

на спорной земле.

– А мне не нравится, что меня за это бьют палкой.

– Пока не бьют, – заметила Мера. – Предупреждают.

Найра забрала у неё палку.

– Пойдём.

– Они опять поставят.

– Вероятно.

– Тогда зачем уходить?

– Потому что выбивать колышки проще, чем оспорить право их устанавливать. А нам понадобится второе.

Мера посмотрела на неё с недоверием.

– Ты точно на моей стороне?

– Пока ты пытаешься решить спор палкой, мне приходится выбирать между твоей стороной и твоими методами.

Старуха хмыкнула.

– Умная. А пользы от тебя сколько?

– Скоро выясним.

Они направились к дороге. Мера шла медленно, с трудом переставляя ноги. Несколько раз останавливалась, чтобы поправить сползавший чулок, и всякий раз делала вид, будто остановка понадобилась Найре. Та не возражала. Её собственное время тоже было ограничено.

Утром она достала из дорожной сумки сложенный вчетверо лист, полученный ещё до приезда в Равен. На нём не было ни печати государственного учреждения, ни имени отправителя. Найра знала, откуда пришло распоряжение, но не

знала, кто именно принял решение.

Велено было явиться к западным воротам до последнего вечернего колокола.

Присутствовать при ответе неизвестной женщины.

Не отвечать за неё.

Найра дважды спрашивала, на какой вопрос должен прозвучать ответ, и оба раза получала одно и то же объяснение: знать содержание предложения заранее ей не требуется. Это раздражало. Ещё больше раздражало то, что она согласилась.

Но до вечера оставалось достаточно времени. Земельное дело, возникшее из старой ведомости переселения, казалось вполне определённым. Найра обещала Мере сопровождать её при рассмотрении возражения. Если продажу участка удастся приостановить, дальше можно будет действовать обычным порядком. Она не собиралась превращать один человеческий спор в бесконечное доказательство собственной добродетели. Впрочем, и бросать его только потому, что где-то существовало более древнее обязательство, тоже не собиралась.

Арвен Дор, начальник земельной конторы, не производил впечатления человека, склонного к произволу. Он внимательно изучил ведомость, нашёл соответствующие записи в регистрационной книге, сверил даты и обнаружил то самое расхождение, из-за которого Найра привела к нему Меру. Затем объяснил, почему этих сведений недостаточно.

– Первоначальное обещание выделить землю ещё не под-

тверждает передачу права владения. Необходимо установить, состоялась ли передача и не были ли впоследствии изменены границы.

– Изменены были, – ответила Найра. – Мы хотим выяснить основание.

– Именно.

Он положил перед ней два плана. На первом река огибала дорогу с юга. На втором проходила значительно восточнее. Между ними лежали годы строительных работ, переселений и исправлений, большинство которых когда-то считались необходимыми.

– По действующему плану этот участок принадлежит государству, – продолжил Дор. – Оснований отказываться от продажи у нас пока нет.

– А на старом плане он относится к земле, обещанной переселенцам.

– Возможно. Но прежние ориентиры почти исчезли.

Мера, сидевшая у двери, вскинула голову.

– Не исчезли. Просто вы на них не смотрите.

Дор повернулся.

– Госпожа Мера, если у вас есть сведения о прежней границе, мы готовы их рассмотреть.

– Груша стоит.

– Дерево не является надёжным межевым знаком.

– Отец посадил её сразу после того, как нам показали землю.

– Я понимаю.

– Нет. Если бы понимал, не продавал бы её.

Дор на мгновение прикрыл глаза. Найра заметила это движение. Человек терпеливо выполнял работу, которая требовала от него одновременно уважать чужую память и не принимать её за доказательство. Вероятно, за годы службы ему приходилось выслушивать сотни подобных историй.

Беда заключалась в том, что хотя бы некоторые из них были правдой.

– На первоначальном плане обозначена каменная опора возле старого водосброса, – сказала Найра. – Она сохранилась?

– Не знаю.

– Тогда направьте землемера.

– У него есть другие обязанности.

– Продажа назначена на сегодня.

– Я осведомлён.

– Вы хотите сначала продать землю, а потом выяснить, кому она принадлежала?

Дор посмотрел на неё.

– Я хочу исполнить действующее решение, не нарушив законных интересов других лиц.

– Тогда зафиксируйте спорность границы до продажи.

Он взял перо, но писать не стал.

– Если окажется, что участок продаётся правомерно, задержка причинит убытки покупателю. Вы это понимаете?

– Да.

– И кто их возместит?

Найра не ответила сразу.

– Тот, на кого возникнет соответствующая обязанность. Но размер возможных убытков не устанавливает право собственности.

Дор едва заметно усмехнулся.

– Вы юрист?

– Нет.

– Однако говорите уверенно.

– Пока говорю только о том, что можно проверить.

Начальник конторы посмотрел на старый план, затем на Меру. Старуха держала на коленях свёрток с бумагами, прижимая его так, словно кто-то собирался отнять. Дор вздохнул.

– Хорошо. Вест осмотрит место. Если найдётся основание для уточнения границы, я остановлю оформление.

– Сегодня? – переспросила Мера.

– Сегодня.

– Напишите.

Дор поднял брови.

– Что?

– Что сегодня. А то вы завтра скажете, что я ослышалась.

Найра отвернулась к окну. Ей понадобилось некоторое усилие, чтобы не рассмеяться.

Землемер Вест оказался худым молодым человеком с

усталым лицом и совершенно неожиданной привычкой не верить никому, включая начальство. Он выслушал Меру, посмотрел на старый план и первым делом спросил, где находилась прежняя переправа.

– Там, – показала старуха.

– А по документам – немного севернее.

– Документы туда не ходили. Я ходила.

Вест сдержанно кивнул.

– Вот и попробуем найти то, что осталось на месте.

Он отправил двух рабочих расчистить старую кладку возле бывшего водосброса. Над ней возвышалась земляная насыпь, давно укреплённая новым камнем. Ниже сохранились остатки более ранней конструкции – выступы, трещины, полузасыпанные стоки.

Найра стояла у дороги. Она видела, что участок осматривают добросовестно, и не собиралась мешать. Но время шло. Мера заметила, как она посмотрела на солнце.

– Торопишься?

– К вечеру должна быть в другом месте.

– Тогда иди.

– Мы ещё не закончили.

– А кто сказал, что тебе надо всё самой заканчивать?

Найра посмотрела на неё.

– Я обещала прийти с тобой.

– Пришла. Начальника нашла. Землемера заставила по грязи лазить. Он теперь хотя бы знает, что земля существует

не только на бумаге.

– Дождёмся результата.

Мера некоторое время молчала. Потом коснулась ствола груши.

– Отец умер, когда я была молодой. Всё ждал, что выдадут окончательные бумаги. Иногда мне кажется, что я больше помню это ожидание, чем его самого.

Найра ничего не сказала.

– В детстве он казался мне ужасно старым, – продолжила Мера. – А теперь думаю: ведь он был моложе, чем я сейчас. И почти всю жизнь потратил на то, чтобы ему разрешили жить на земле, которую обещали.

– Почему не построил дом без разрешения?

– Построил бы – потом заставили бы снести. Он так говорил.

– А ты что думала?

– Что надо строить. Пока они там разбираются, у человека вся жизнь проходит.

Старуха усмехнулась.

– Но я тогда была ребёнком. Думала, что взрослые всё могут, просто почему-то не хотят.

Найра посмотрела на тёмную кору.

– Иногда это недалеко от истины.

– Неужели?

– Иногда.

Из низины донёсся треск. Вест крикнул рабочему, чтобы

тот отошёл от края кладки.

Поздно.

Размокший грунт осел, открывая полость под старой стеной. Мужчина потерял опору, упал на колено и попытался ухватиться за выступающий камень. Тот вывернулся наружу вместе с частью кладки.

Рабочего придавило ниже пояса.

Он закричал.

Вест бросился к нему, попытался поддеть плиту ломом, но обломок не поддавался. Другой рабочий побежал за помощью.

Найра уже спускалась по склону.

Она остановилась возле пострадавшего, быстро оценила положение его ног и опору плиты.

– Не двигайся.

– Уберите её! – выдохнул мужчина. – Ногу!

– Сейчас.

Вест держал лом обеими руками.

– Нужны ещё люди.

– Отойдите.

– Здесь нельзя просто…

– Отойдите, иначе прижмёт и вас.

Он уступил место.

Найра опустилась на одно колено, подсунула пальцы под край камня и медленно подняла плиту.

Вест увидел, как между камнем и землёй появилась узкая

щель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.